

ТЕМНАЯ
МАТЕРИЯ

Дэвид Брин

Номинант премии «ЛОКУС»

ПОГРУЖЕНИЕ В СОЛНЦЕ

Возвышение

Дэвид Брин

Погружение в Солнце

«АСТ»

1980

УДК 821.111
ББК 84(7 Сое)

Брин Д.

Погружение в Солнце / Д. Брин — «АСТ»,
1980 — (Возвышение)

ISBN 978-5-17-098272-1

Каждый вид во Вселенной обрел сознание, пройдя Возвышение, получив разум от своих инопланетных наставников, своей расы патронов. Каждый, кроме людей. Люди устремились к звездам самостоятельно, пройдя собственную эволюцию. Или же некая таинственная цивилизация все же начала процесс Возвышения на Земле многие тысячелетия назад? И если так, то почему покинула человечество? Оказавшись в положении изгоев, люди пытаются обрести свое место в галактической иерархии, но все меняется, когда в Солнечной системе находят еще одну аномалию: непонятных «призраков» на Солнце, возможно, самую невероятную форму жизни из всех, известных в исследованном космосе. Для изучения этого феномена отправлена экспедиция, которой предстоит спуститься в кипящую солнечную преисподнюю. Но кто-то или что-то не хочет успеха землян, а обитатели Солнца оказываются гораздо страшнее и таинственнее, чем думали ученые.

УДК 821.111
ББК 84(7 Сое)

ISBN 978-5-17-098272-1

© Брин Д., 1980
© АСТ, 1980

Содержание

Часть I	6
1	6
2	13
3	22
Часть II	30
4	30
5	37
6	40
Часть III	45
7	45
8	49
9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дэвид Брин

Погружение в Солнце

David Brin SUNDIVER

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

© 1980 by David Brin

© Ирина Епифанова, перевод, 2017

© Борис Аджиев, иллюстрация, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Моим братьям Дэнну и Стэнну, Забияке IV и... кое-кому еще

Часть I

...есть основания надеяться, что в не столь отдаленном будущем мы станем достаточно компетентны, чтобы разобраться в таком простом явлении, как звезда.

А. С. Эддингтон,¹ 1926

1

Из китовых сновидений

– Макакаи, ты готова?

Джейкоб не обращал внимания на слабое жужжание двигателей и клапанов его металлического кокона. Он не шевелился. Вода ласково плескала в похожую на луковицу носовую часть его механического кита, а он все ждал ответа.

Он снова сверился с крошечными индикаторами на экране шлема. Да, рация работала нормально. Обитательница второго управляемого кита, наполовину погруженного в воду в нескольких метрах от него, слышала каждое слово.

Вода сегодня была необычайно прозрачна. Поглядев вниз, Джейкоб различил лениво проплывавшую мимо мелкую зебровую акулу, нечастую гостью на глубоководном участке прибрежной зоны.

– Готова, Макакаи?

Он прилагал все силы, чтобы скрыть нетерпение и ничем не выдать ощущение напряжения в затылке, все усиливавшееся с каждой минутой ожидания. Прикрыв глаза, Джейкоб велел непослушным мышцам расслабиться, одна за другой. При этом он продолжал ждать, что же скажет ученица.

– Слушаюсссь... приссстуаем! – наконец то ли просвистело, то ли проскрипело в ответ. Слова прозвучали глухо, словно по принуждению, можно было подумать, будто говорящей не дают перевести дух.

Довольно длинная тирада по меркам Макакаи. Он разглядывал тренажер для юных дельфинов, отражение которого подрагивало в обрамлявших смотровой экран зеркалах. Серый металлический хвост слегка вздымался и опускался под влиянием прилива. Вялые и лишённые должной мощи искусственные плавники машины лениво двигались под поверхностью воды, идущей волнами ряби.

Она наконец-то готова приступить, подумал Джейкоб. Если есть шансы при помощи техники выманить дельфина из китовых сновидений, то сейчас мы в этом убедимся.

Движением подбородка он снова врубил микрофон.

– Ладно, Макакаи, ты в курсе, как устроен манипулятор. Он улавливает каждое твое движение, но, если захочешь запустить ракетный двигатель, придется отдать команду вслух. Между прочим, мне, чтобы ускориться, и вовсе требуется свистнуть в троичной системе отсчета.

– Слушаюсссь! – прошипела дельфиниха. Серые плавники ее манипулятора снова с шумом всколыхнулись и опустились, разбрызгивая соленую воду.

Вполголоса пробормотав молитву Сновидцу, он нажал на кнопку, включающую усилители обоих манипуляторов, и Макакаи и его собственного, а потом осторожно развел руки,

¹ Артур Стэнли Эддингтон (1882–1944) – британский астрофизик.

приводя плавники в движение. Он согнул ноги, массивные хвостовые плавники отозвались резким толчком, и машина мгновенно перевернулась и ушла на глубину.

Джейкоб попытался скорректировать ее маневр, но переусердствовал, и манипулятор перекосило еще больше. От взмахов плавников вокруг машины тут же образовался бурлящий и пузырящийся водоворот, но мало-помалу, методом проб и ошибок, ему в конце концов удалось выровнять аппарат.

Он снова оттолкнулся, на сей раз аккуратно, только чтобы слегка продвинуться вперед, а потом выгнул спину и оттолкнулся ногами. Манипулятор отозвался, совершив роскошный прыжок и плеснув хвостом.

От дельфинихи его отделяло не меньше километра. Находясь в верхней точке своего прыжка, Джейкоб разглядел, как она изящно летит с высоты десятка метров и плавно, словно нож в масло, погружается в пучину.

Он развернул визор шлема к воде, и море надвинулось на него, будто зеленая стена. От удара шлем загудел, аппарат рассек слои водорослей и, спугнув стайку золотистых гарибальдий, устремился на глубину.

Спуск получился слишком крутой. Выругавшись, Джейкоб дважды лягнулся, чтобы выправить траекторию. Мощные металлические плавники машины лупили по воде, повинаясь ритмичным толчкам его ног, и от каждого удара вдоль позвоночника пробежала дрожь, придавливая тело к жесткой подкладке гидрокостюма. Как только настал подходящий момент, Джейкоб изогнулся и снова оттолкнулся ногами. Машина вспорола водную гладь.

В левом иллюминаторе, словно зарево от взрыва, вспыхнул солнечный свет, перекрывая тусклое мерцание крохотной панели управления. Заставив встроенный в шлем компьютер приглушенно крикнуть, он заложил вираж визором вниз, опять врезаясь в сверкающую поверхность моря.

Заметив порскнувшую в разные стороны стайку серебристых анчоусов, Джейкоб в радостном возбуждении громко заухал.

Ладони скользнули вдоль ряда рычагов к верньерам ракетных двигателей, и в верхней точке следующего прыжка он просвистел троичный код. Взревели моторы, и вдоль боков из экзоскелета выступили аэродинамические крылья. Затем, немилосердно сотрясая корпус, заработали вспомогательные двигатели, от внезапного разгона шлем с мягкой обивкой дернуло вверх, приплюсив затылок. Волны плескались где-то внизу, под днищем рассекающего воздух корпуса.

Взметнув тучу брызг, Джейкоб плюхнулся рядом с Макакаи. Она поприветствовала его пронзительным троичным свистом. Джейкоб позволил ракетным двигателям автоматически отключиться и дальше поплыл вровень со спутницей на чистой механике.

Какое-то время они двигались синхронно. С каждым взмахом плавников Макакаи вела себя все более дерзко, выписывая в долгие секунды перед соприкосновением с водой разнообразные кульбиты и пируэты. В очередной раз зависнув в воздухе, она выпалила по-дельфиньи скабрезный лимерик, довольно топорный, но Джейкоб все равно надеялся, что они там, на судне слежения, записывают их разговоры. Погружаясь в волны, он из-за плеска не расслышал последнюю строчку.

Остальные члены учебной группы следовали за ними в катере на воздушной подушке. При каждом прыжке Джейкоб ловил боковым зрением внушительных размеров судно, с увеличением дистанции постепенно становившееся все меньше и меньше, пока новый удар о поверхность не отсекал все ощущения, кроме плеска волн, попискивания сонара Макакаи и фосфоресцирующей голубовато-зеленой толщи вод в иллюминаторах.

Судовой хронометр Джейкоба показывал, что прошло десять минут. Он сможет держаться наравне с Макакаи не больше получаса, сколько усилий ни прилагай. Человеческая мускулатура и нервная система не рассчитаны на такую череду скачков и погружений.

– Макакаи, пора опробовать ракетные двигатели. Просигналь, если готова, и мы врубим их при следующем прыжке.

Они одновременно погрузились в море, и Джейкоб замолотил плавниками по пенистой воде, изготавливая к очередному рывку. Они снова взметнулись ввысь.

– Макакаи, я серьезно говорю. Ты готова?

Они вместе плыли в вышине. За пластиком иллюминатора он успел разглядеть ее крохотный глаз, а потом ее машина-манипулятор, изогнувшись, вошла в воду. Спустя мгновение Джейкоб последовал ее примеру.

– Ну ладно, Макакаи, раз ты мне не отвечаешь, придется прервать занятие.

Он плыл бок о бок со своей ученицей сквозь голубую толщу воды и облачка пузырьков.

Макакаи развернулась, но вместо нового прыжка, наоборот, устремилась на глубину. И прощепетала что-то на троичном коде, да так быстро, что Джейкоб едва успел разобрать: мол, не обламывай весь кайф.

Джейкоб позволил своему аппарату медленно всплыть на поверхность.

– Ну давай, дорогуша, перейди на его величество английский язык. Без него не обойтись, если хочешь, чтобы твои дети однажды отправились в космос. К тому же он весьма выразителен! Давай же! Скажи Джейкобу все, что ты о нем думаешь.

Воцарилась недолгая тишина. А потом он различил под днищем своей машины какое-то молниеносное движение. Загадочная фигура устремилась вверх и уже почти достигла поверхности, когда до Джейкоба донесся пронзительный и насмешливый голос Макакаи:

– Оссаль меня, просстофиля! Я взлетаю!

Едва дельфиниха это произнесла, ее механические плавники совершили мощный толчок и она вылетела из воды в столбе пламени.

Джейкоб со смехом нырнул, набирая скорость, а потом взмыл в воздух следом за своей ученицей.

Когда он прикончил вторую чашку кофе, Глория протянула ему ленту самописца. Джейкоб попытался сфокусироваться на извилистых линиях, но те плясали перед глазами, как океанские волны. Он вернул ленту.

– Данные изучу потом. А пока можешь просто изложить суть в двух словах? И если позволишь, я бы не отказался от бутерброда.

Глория подтолкнула к нему кусок ржаного хлеба с тунцом и уселась на кухонный стол, из-за ощутимой качки вцепившись пальцами в край столешницы. Как обычно, ее наряд стремился к нулю. Симпатичную черноволосую девушку-биолога с аппетитными формами минимализм в одежде только украшал.

– Похоже, мы зафиксировали искомые мозговые импульсы, Джейкоб. Не знаю, как ты этого добился, но, когда Макакаи говорила по-английски, концентрация внимания у нее была вдвое выше, чем обычно. Манфред считает, что обнаружил столько пучков синаптических связей, что на очередном этапе экспериментальных мутаций нас ждет прорыв. Он собирается расширить у потомства Макакаи пару нервных центров в левом полушарии мозга. А моей группе хватает и уже достигнутого. Та легкость, с какой Макакаи освоила управление искусственным китом, доказывает, что уже нынешнее поколение способно использовать машины.

Джейкоб вздохнул.

– Если ты надеешься, что эти результаты убедят Конфедерацию отказаться от мутаций в следующем поколении, то можешь забыть об этом. Ажиотаж слишком велик. Они не желают вечно полагаться на поэзию и музыку, доказывая, что дельфины умны. Им нужна раса с аналитическими способностями, умение запускать двигатель при помощи кодовых слов не считается. Шансы, что операции Манфреда одобрят, – двадцать к одному.

Глория залилась краской.

– Им бы только резать! Дельфины – такие же люди, люди, мечтающие о прекрасном. Перекраивая их в инженеров, мы уничтожим расу поэтов!

Джейкоб отложил оставшуюся от бутерброда корку и стряхнул с груди крошки. Он уже жалел, что ввязался в этот разговор.

– Знаю, знаю. Я бы тоже предпочел, чтобы процесс шел помедленнее. Но взгляни на проблему под другим углом. Может, однажды финны сумеют облечь китовые сны в слова. И нам не придется больше прибегать к троичному коду, чтобы поболтать о погоде или вести философские диспуты на пальцах. Они смогут составить компанию шимпанзе и, образно выражаясь, высунуть нос за пределы Галактики, а мы тем временем будем изображать остепенившихся предков.

– Но...

Джейкоб вскинул руки, заставляя ее умолкнуть.

– Давай продолжим дискуссию как-нибудь потом? Я бы с удовольствием вздремнул часок-другой, а потом навестил бы нашу девочку.

Глория на секунду нахмурилась, а потом искренне улыбнулась.

– Прости, Джейкоб. Ты, наверное, здорово вымотался. Зато, по крайней мере, сегодня все сработало.

Джейкоб позволил себе улыбнуться в ответ. Улыбка во весь рот прочертила на его широком лице морщинки в уголках губ и глаз.

– Да, – согласился он, вставая из-за стола. – Сегодня все сработало.

– Кстати, пока ты занимался с Макакаи, тебе звонили. Какой-то Иник. Джонни так разволновался, что чуть не забыл оставить тебе записку. Кажется, она где-то тут.

Глория отодвинула грязные тарелки и, выдернув из-под них полоску бумаги, протянула ее Джейкобу.

Тот поглядел на записку, и его кустистые брови сошлись к переносице. Кожа у него была гладкая и смуглая – отчасти из-за наследственности, отчасти от длительного контакта с солнцем и морской водой. Джейкоб сосредоточенно прищурился, и его карие глаза превратились в две узенькие щелочки. Пытаясь разобрать почерк радиста, он потрогал мозолистыми пальцами свой крючковатый, как у индейца, нос.

– Мы все знали, что ты работал с Иниками, – щебетала Глория. – Но чего я уж точно не ожидала, так это что кто-нибудь из них будет сюда названивать! Особенно если этот кто-то похож на гигантскую брокколи и важничает, как глава дипломатической миссии!

Джейкоб вскинулся:

– Это был кантен? Он представился?

– Там должно быть записано. Значит, вот это кто? Кантен? Боюсь, я не слишком разбираюсь в инопланетянах. Цинтианина или тимбрими я бы, скорее всего, узнала, но такого, как этот, раньше не видела.

– Хм... Мне нужно кое-кому позвонить. Посуду помою чуть позже, так что не вздумай к ней прикасаться! Передай Манфреду и Джонни, что я скоро спущусь посмотреть, как там Макакаи. И еще раз спасибо. – Джейкоб снова улыбнулся и легонько дотронулся до ее плеча, но стоило ему только отвернуться, как лицо девушки опять приобрело озабоченное выражение.

Сжимая в кулаке записку, он направился к носовому люку. Глория посмотрела ему вслед. Потом собрала со стола ленты самописца, жалея, что не знает ни одного способа привлечь внимание такого мужчины хотя бы на час, а лучше на целую ночь.

Каюта Джейкоба по размерам не сильно превосходила стенной шкаф, а из мебели в ней была лишь узкая складная койка, зато здесь можно было уединиться. Он вытащил из стоявшего у двери шкафчика планшет и поставил его на койку.

Не было причин предполагать, что Фэйгин звонил с какой-то иной целью, кроме как просто пообщаться. В конце концов, его всерьез интересовала работа с дельфинами.

Впрочем, бывали случаи, когда звонки этого инопланетянина не приносили ничего, кроме бед. Возможно, перезванивать не стоило.

После недолгих колебаний Джейкоб набрал код на экране и устроился поудобнее. Он не мог отказать себе в удовольствии побеседовать с представителем внеземной цивилизации, где бы и когда бы ни представилась такая возможность.

На экране вспыхнул двоичный код, указывающий местоположение портативного устройства, с которого поступил звонок. Резервация для ПВЦ², Баха. «Логично, – подумал Джейкоб. – Ведь там Библиотека». Затем выскочило стандартное предупреждение: «Поднадзорным контактировать с инопланетянами не следует». Джейкоб с отвращением отвернулся. Воздух над кроватью и перед экраном наполнился яркими искрами статического электричества, и вдруг всего в нескольких дюймах возникла голографическая копия Фэйгина.

Этот ПВЦ и в самом деле напоминал гигантское соцветие брокколи. Округлые сине-зеленые побеги образовывали симметричные шарообразные наросты на шишковатом, изрезанном бороздками стебле. Некоторые ветви заканчивались кристаллическими чешуйками, образуя ближе к верхушке целые заросли, прикрывавшие незаметное дыхательное отверстие.

Ботва раскачивалась, а кристаллики в районе верхушки позвякивали от потоков выдыхаемого существом воздуха.

– Здравствуй, Джейкоб, – раздался непонятно откуда отдающий металлом голос Фэйгина. – Приветствую тебя с радостью, приятнью и аскетическим минимумом формальностей, чего ты столь часто и упорно требуешь.

Джейкоб с трудом сдержал смех. Благодаря свистящему акценту и затейливой манере изъясняться даже с самыми близкими друзьями-землянами Фэйгин напоминал ему китайского мандарина.

– Приветствую тебя, дружище Фэйгин, и со всем возможным уважением желаю тебе всяческих благ. А теперь, когда с расшаркиванием покончено, прежде чем ты успеешь произнести хоть слово, отвечаю: нет.

Кристаллики-колокольчики нежно зазвенели.

– Джейкоб! Ты столь юн и при этом столь прозорлив! Восхищен твоей интуицией и умением предугадывать цель моих звонков!

Джейкоб покачал головой.

– Не нужно ни лести, ни тщательно замаскированного сарказма, Фэйгин. И настаиваю, чтобы наши с тобой беседы велись исключительно на разговорном, общеупотребительном английском – только в этом случае у меня есть шанс не дать себя облапошить. И ты прекрасно знаешь, что я имею в виду!

Инопланетянин затрясся, это выглядело как пародия на пожатие плечами.

– Ах, Джейкоб, я вынужден подчиниться твоей воле и прибегнуть к столь высоко ценимой представителями вашего вида честности, коей вам и впрямь следует гордиться. Речь действительно идет о небольшой услуге, о которой я имел дерзновенное намерение тебя просить. Но поскольку ты уже дал ответ... несомненно, основываясь на опыте некоторых прошлых досадных инцидентов, большая часть коих тем не менее в конце концов обернулась к лучшему... я вынужден просто сменить тему. Позволено ли будет осведомиться, как продвигается работа с вашими клиентами, принадлежащими к достопочтенному роду дельфинов?

– А, да, работа продвигается успешно. Сегодня мы совершили прорыв.

– Превосходно! Уверен, тут не обошлось без твоего участия. Я слышал о внесенном тобой вкладе в общее дело, который оказался поистине незаменим!

Джейкоб встряхнул головой, стараясь прочистить мозги. Фэйгин каким-то образом ухитрился снова перехватить инициативу.

² Представитель внеземной цивилизации.

– Что ж, я действительно оказался полезен на ранних этапах, когда мы столкнулись с проблемой водяного сфинкса, но с тех пор моя роль была весьма скромной. Черт побери, да с моими обязанностями справился бы кто угодно!

– О, это утверждение мне крайне затруднительно принять на веру!

Джейкоб нахмурился. К сожалению, он не лукавил. А в дальнейшем его работа в Центре Возвышения обещала стать еще скучнее.

Сотни специалистов, в том числе и более сведущих в дельфиньей психике, чем он, выстроились в очередь, рассчитывая занять его место. Из Центра его, вероятнее всего, не выгонят, во многом из уважения к былым заслугам, но хочет ли остаться он сам? Как бы сильно Джейкоб ни любил дельфинов и море, в последнее время на душе у него становилось все тревожнее.

– Фэйгин, прости, что я с самого начала повел себя так грубо. Мне все-таки хотелось бы узнать, с какой целью ты мне позвонил... при условии, что ты отдаешь себе отчет: мой ответ, возможно, так и останется отрицательным.

Фэйгин зашелестел ботвой.

– Я намеревался пригласить тебя на скромную дружескую встречу с несколькими достойными представителями разнообразных биологических видов с целью обсудить важную проблему сугубо интеллектуального свойства. Встреча состоится в ближайший четверг в Центре помощи туристам в Энсенате, начало в одиннадцать часов. Участие ни к чему тебя не обязывает.

Джейкоб повертел в голове предложение так и эдак.

– ПВЦ, говоришь? А кто они такие? И какая тема на повестке дня?

– Увы, Джейкоб, я не вправе разглашать информацию, во всяком случае, не по дистанционной связи. Подробности придется подождать до четверга, если, конечно, ты приедешь.

Джейкоб сразу преисполнился подозрений.

– Скажи-ка, а эта «проблема» случайно не связана с политикой? Уж больно туманно ты выражаешься.

Изображение инопланетянина замерло. Лишь изредка по зеленеющей поросли пробегала рябь, словно свидетельствуя о глубоких раздумьях.

– Чего я никогда не мог понять, Джейкоб, – наконец снова зазвучал присвистывающий голос, – так это почему человек с такими данными, как у тебя, столь мало интересуется сплетением эмоций и чаяний, которое вы называете политикой. Если бы ко мне была применима такая метафора, я бы сказал, что политика у меня в крови. А уж в твоей крови она есть вне всяких сомнений!

– Не впутывай сюда мою родню! Я просто хочу понять: почему, чтобы выяснить, о чем пойдет речь, обязательно нужно ждать до четверга?

Кантен снова заколебался.

– У предмета обсуждения есть... аспекты, которые лучше не затрагивать в эфире. Отдельные безнравственные личности, принадлежащие к противоборствующим течениям в вашей культуре, перехватив ценные сведения, способны употребить их во зло. Тем не менее позволь мне заверить тебя: твоя роль будет чисто технической. Нам хотелось бы получить доступ к некоторым твоим знаниям и навыкам, которыми ты пользуешься, работая в Центре.

«Чушь! – подумал Джейкоб. – Вам нужно от меня куда больше, чем ты утверждаешь!»

Он был знаком с Фэйгином не первый день. Если он явится на встречу, кантен обязательно попытается подцепить его на крючок и вовлечь в какую-нибудь необычайно запутанную и опасную историю. Инопланетянин уже проделывал с ним этот трюк трижды.

В первые два раза Джейкоб не особенно возражал. Но в те времена он был совсем другим человеком и испытывал тягу к подобным авантюрам.

А потом настал черед Шпиля. После полученной в Эквадоре травмы его жизнь изменилась целиком и полностью. И он не стремился снова взяться за старое.

Однако при всем при том Джейкобу было мучительно тяжело обижать старика кантена. По большому счету, Фэйгин никогда ему не врал и к тому же был единственным из известных Джейкобу инопланетян, кто безудержно восторгался человеческой культурой и историей. Физически будучи самым чуждым (с точки зрения человека) инопланетным существом, Фэйгин одновременно больше, чем какие-либо другие ПВЦ, старался понять землян.

«Если я просто расскажу Фэйгину правду, мне ничего не грозит, – подумал Джейкоб. – А если он попытается надавить, я поставлю его в известность о состоянии своей психики – об экспериментах с самогипнозом и их странных результатах. Если воззвать к его чувству справедливости, он упорствовать не станет».

– Хорошо, – вздохнул он. – Твоя взяла, Фэйгин. Я приеду. Только не надо ждать, что я стану звездой вечеринки.

В свистящем смехе Фэйгина слышался отзвук деревянных духовых.

– На этот счет можешь не волноваться, дружище Джейкоб! Вечеринка будет такого сорта, что никто не спутает тебя со звездой!

Солнце еще не успело скользнуть за горизонт, когда он вышел на верхнюю палубу и направился к Макакаи. Тускло-оранжевое, оно неясно прорисовывалось на западе среди жидких облаков – благосклонное невыразительное светило. Джейкоб ненадолго задержался у поручня, наслаждаясь красками заката и запахом моря.

Прикрыв глаза, он подставил лицо под согревающие лучи, проникавшие под кожу с ласковой, вызывающей загар настойчивостью. В конце концов Джейкоб перекинул ноги через поручень и спрыгнул на нижнюю палубу. Переполюнявившее его ощущение упругой энергии почти вытеснило накопившееся за день утомление. Он замычал себе под нос отрывок из песни – разумеется, фальшивя.

При появлении Джейкоба усталая дельфиниха подплыла к краю бассейна. Макакаи поприветствовала его троичным стихотворением, слишком коротким, чтобы разобрать смысл, но звучало оно по-дружески непристойно. Что-то насчет его половых успехов. Дельфины начали похабно подшучивать над людьми еще за несколько тысяч лет до того, как люди занялись их племенным разведением ради мозгов и речи и научились их понимать. «Может, Макакаи и многократно превосходит своих предков в плане интеллекта, – подумал Джейкоб, – но чувство юмора у нее осталось сугубо дельфинье».

– Угадай-ка, у кого из нас день выдался тяжелее? – спросил он.

Она плеснула в него водой, причем более вяло, чем обычно, и произнесла нечто, сильно смахивавшее на «да пошшел ты!»

Но когда Джейкоб присел на корточки и, опустив в воду ладонь, сказал «привет», Макакаи подплыла поближе.

2

«Рубахи» и «шкуры»

Много лет тому назад старое правительство Северной Америки расчистило участок земли под контрольную полосу, чтобы следить за перемещениями в Мексику и обратно. Там, где прежде соприкасались два города, пролегла пустыня.

После Переворота и свержения бюрократического гнета прежних, связанных круговой порукой правительств шишки из Конфедерации отдали этот кусок земли под парковые насаждения. Приграничная зона между Сан-Диего и Тихуаной стала крупнейшим лесистым участком к югу от парка Пендлтон.

Однако все рано или поздно меняется. Направляясь на взятой напрокат машине по эстакаде к югу, Джейкоб заметил, что полосе постепенно возвращают прежние функции. По обеим сторонам дороги трудились бригады, валившие деревья и устанавливавшие с востока и с запада через каждые сто ярдов тонкие, леденцово-полосатые столбы. Зрелище поневоле вызывало жгучий стыд. Он отвернулся.

В точке, где линия столбов пересекала шоссе, висел большой бело-зеленый указатель.

Новая граница: резервация для представителей внеземных цивилизаций Баха.

Жители Тихуаны, не имеющие статуса граждан, могут обратиться в городскую администрацию для получения щедрых подъемных на расходы по переселению.

Джейкоб покачал головой и проворчал: «Oderint dum metuant». Пусть ненавидят, лишь бы боялись. Мало ли, что кто-то прожил в этом городке всю жизнь. Если у него нет права голоса, то пусть выметается и не стоит на пути у прогресса. Из-за возобновившегося расширения резерваций для ПВЦ им вскоре предстояло поглотить Тихуану, Гонолулу, Осло и еще штук пять других городов. Пятьдесят или шестьдесят тысяч поднадзорных, на которых распространялся временный или постоянный испытательный срок, обязаны были покинуть свои дома, чтобы города могли считаться «безопасными» для какой-нибудь тысячи инопланетян. Конечно, в действительности неудобства не так уж значительны. Большая часть Земли по-прежнему закрыта для ПВЦ, а людям, не имеющим статуса горожан, все еще есть где жить. К тому же правительство обещало немалые компенсации.

Тем не менее на Земле снова появились беженцы.

Граница города внезапно вернулась на прежнее место, к южному краю контрольной полосы. Многие постройки были решены в испанском колониальном или неоколониальном стиле, но в целом город демонстрировал типичную для современных мексиканских поселений архитектурную эклектику. Среди домов преобладали выкрашенные в бело-голубые тона. Из-за плотного движения машин в обоих направлениях воздух был наполнен слабым электрическим гудением.

По всему городу были развешаны бело-зеленые указатели, возвещавшие о надвигающихся переменах, – наподобие того, что встречал вас при въезде. Один из указателей, тот, что неподалеку от шоссе, был замалеван черной краской из баллончика. Прежде чем щит скрылся из виду, Джейкоб успел различить небрежно выведенные слова «Оккупация» и «Вторжение».

Дело рук кого-то из оказавшихся на пожизненном испытательном сроке, подумалось ему. Гражданин, в чьем распоряжении уйма вполне законных способов выразить свое мнение, вряд ли решится на столь эксцентричный поступок. А временному поднадзорному, получившему испытательный срок за совершенное преступление, не резон продлевать свое наказание. Временный осознавал бы, что неминуемо попадетсЯ.

Несомненно, это какой-то бедняга из пожизненных, столкнувшись с угрозой выселения, дал волю чувствам, не заботясь о последствиях. Джейкоб всей душой сопереживал ему. Возможно, сейчас бедолага уже томился за решеткой.

Политика никогда не входила в сферу интересов Джейкоба, хотя происходил он из семьи потомственных политиков. Оба его деда прославились во времена Переворота, когда горстке технократов удалось свергнуть Бюрократию. А вот к Законам об испытательном сроке в семье относились резко негативно.

В последние годы Джейкоб обзавелся привычкой избегать воспоминаний. Однако сейчас перед глазами помимо воли замелькали картинки из прошлого.

Летняя школа клана Альваресов располагалась среди холмов в окрестностях Каракаса, в том самом доме, где тридцатью годами ранее разрабатывали свои планы Джозеф Альварес и его соратники. Дядя Джереми читал лекцию, а Джейкоб и его многочисленные двоюродные братья и сестры, родные и приемные, слушали. На их лицах застыли почтительные маски, а внутри бурлила летняя жажда приключений. Джейкоб ерзал в дальнем углу, мечтая поскорее вернуться в свою комнату, где его ждало «секретное оборудование» – плод их совместных со сводной сестрой Элис стараний.

Обходительный и уверенный в себе, Джереми лишь недавно вступил в ту пору жизни, которую называют средним возрастом, и уже обзавелся каким-никаким весом в Ассамблее Конфедерации. Вскоре он займет место главы клана Альваресов, оттерев в сторонку своего старшего брата Джеймса.

Дядя Джереми рассказывал о том, как прежние бюрократические власти постановили провести поголовное тестирование на «склонность к насилию», а проваливших тест поместить под постоянное наблюдение – надзор.

Джейкоб мог дословно воспроизвести, что говорил дядя в тот момент, когда в библиотеку тайком прошмыгнула Элис. Мордашка этой двенадцатилетней оторвы лучилась таким безудержным энтузиазмом, что казалось, девочка вот-вот лопнет.

– Им пришлось приложить немалые усилия, чтобы убедить население, – вещал дядя Джереми рокочущим басом, – в том, что новые законы снизят уровень преступности. И они действительно возымели такой эффект. Граждане с вживленным в пятую точку радиопередатчиком предпочитали сто раз подумать, прежде чем затевать ссору с соседями.

В те времена, как и сейчас, большинство горожан всецело одобряло Закон об испытательном сроке и надзоре. Они с легкостью позабыли, что этот закон идет вразрез со всеми традиционными конституционными правами гражданина. К тому же во многих странах о такой роскоши, как конституционные права, все равно не слыхивали.

А когда лазейка в законах позволила Джозефу Альваресу и его соратникам согнать со своих постов и самих бюрократов... парадоксально, но вера ликующих граждан в необходимость поголовной проверки и надзора только окрепла. Организаторы переворота осознали, что на тот момент поднимать этот вопрос было бесполезно. К тому же им и без того хватало забот, ведь они только что создали Конфедерацию...

Джейкобу нестерпимо хотелось заорать. Пока скучный старый дядя Джереми распинался обо всей этой давно устаревшей лабуде, Элис, счастливица Элис, рискуя навлечь на себя гнев предков, заступила на свой пост: они с Джейкобом по очереди подслушивали трансляции из глубокого космоса при помощи жучка, размещенного ими в корпусе родительского радиоприемника, – и Элис услышала такое, что ушам своим не поверила!

Это наверняка был космический корабль! Всего лишь третий из великого множества огромных тихоходных судов, которым повезло вернуться на Землю! А как иначе можно было объяснить последовавший за принятым сигналом звонок на базу космических войск и переполох в восточном крыле дома, где у взрослых размещались всякие лаборатории и кабинеты?

Джереми продолжал разглагольствовать о вечной нехватке сострадания в обществе, но Джейкоб уже не видел и не слышал его. Он сидел с каменным лицом, а Элис, подавшись к нему, возбужденно шептала, а точнее, взхлеб тараторила ему в самое ухо.

– Пришельцы, Джейкоб! Они везут с собой инопланетян! Прямо на своих кораблях! Прикинь, Джейк, «Везарий» доставит на Землю Иников!

Именно тогда Джейкоб впервые услышал это слово. Он часто гадал, принадлежало ли авторство Элис. А тогда, в возрасте десяти лет, как он потом вспоминал, слово «Иник» ужасно его забавляло, он все думал, не связано ли оно с «фиником».

И сейчас, когда он катил по улицам Тихуаны, до него вдруг дошло, что мучивший его вопрос так и остался без ответа.

На нескольких важных перекрестках угловые здания были снесены, а на их местах установили переливавшиеся всеми цветами радуги кабинки общественных туалетов для ПВЦ. Джейкоб заметил на улицах несколько новых автобусов без крыши и с низкой посадкой, специально оборудованных для перевозки не только людей, но и пришельцев, передвигавшихся ползком, и трехметровых великанов.

Проезжая мимо муниципалитета, он увидел с десятков митингующих «шкур». По крайней мере они были похожи на «шкур» – в меховых одеяниях и с игрушечными пластиковыми копьями.

Кому, кроме них, могло прийти в голову нацепить на себя нечто подобное в такую погоду?

Он сделал звук в магнитоле погромче и включил режим голосового поиска.

– Местные новости, – запросил он. – Ключевые слова: шкуры, муниципалитет, митинг.

После секундной заминки из панели инструментов раздался механический голос, монотонный и слегка надтреснутый, зачитывавший подборку новостей, которую сгенерировал компьютер. Джеймсу стало любопытно: бывало ли хоть раз, чтобы производители подобрали приятный тембр.

– Сводка новостей, – с оксфордским акцентом сообщил голос. – Коротко о главном: сегодня 12 января 2246 года, сейчас девять часов сорок одна минута, желаем вам доброго утра. Тридцать семь человек устроили легальный митинг неподалеку от муниципалитета Тихуаны. Официальной причиной их недовольства стало, если вычленить самую суть, расширение резерваций для представителей внеземных цивилизаций. Пожалуйста, приостановите трансляцию, если хотите ознакомиться с распечаткой или устным изложением их манифеста.

Компьютер сделал паузу. Джейкоб ничего не сказал, засомневавшись, стоит ли слушать продолжение сводки. Он и без того неплохо представлял себе доводы «шкур», протестовавших против скрытого в самом факте существования резерваций намека: дескать, не все люди пригодны для контактов с инопланетянами.

– Двадцать шесть из тридцати семи участников акции протеста являются поднадзорными носителями испытательных передатчиков, – говорилось дальше в обзоре. – Остальные, разумеется, обладают статусом граждан. Для сравнения: в целом по городу Тихуана соотношение таково: на одного поднадзорного приходится сто двадцать четыре гражданина. Исходя из манеры поведения и нарядов митингующих, можно предположительно причислить их к поборникам так называемой неолитической этики, обиходное название – «шкуры». Поскольку никто из граждан не пожелал воспользоваться правом на тайну личной информации, мы можем с уверенностью заявить, что тридцать из тридцати семи участников постоянно проживают в Тихуане, остальные – приезжие...

Джейкоб ударил по выключателю, и голос оборвался на середине фразы. Сцена перед зданием муниципалитета давно уже скрылась из виду, что теперь толку об этом думать.

Впрочем, бурные дискуссии по поводу расширения резерваций для ПВЦ напомнили ему, что он уже почти два месяца не навещал дядю Джеймса, обитавшего в Санта-Барбаре. Старый

хвастун наверняка сейчас до кончиков своих оттопыренных ушей погружен в судебные разбирательства, представляя интересы доброй половины поднадзорных Тихуаны. И тем не менее вряд ли от него укрылось бы, если бы Джейкоб отбыл в длительную поездку, не попрощавшись ни с ним, ни с остальными дядями, тетушками и кузенами, из которых состоял рассеявшийся по стране непокорный клан Альваресов.

«В длительную поездку? В какую еще поездку? – спохватился Джейкоб. – Я ведь никуда не уезжаю!»

Но специально заточенный под подобные дела уголок сознания уже учуял что-то манящее во встрече, на которую его пригласил Фэйгин. Джейкоб поймал себя на том, что уже предвкушает этот день и одновременно стремится подавить это предвкушение в зародыше. Ощущение было бы интригующим, если бы не было так хорошо ему знакомо.

Какое-то время он ехал в тишине. Вскоре город уступил место сельским просторам, а мощный поток машин сократился до тонкой струйки. Следующие двадцать километров Джейкоб преодолел пригреваемый солнцем и одолеваемый сомнениями, затеявшими игру в салочки в его мозгу.

Несмотря на беспокойство, не покидавшее его в последние дни, он не был готов признать, что Центр Возвышения пора покинуть. Работа с дельфинами и шимпанзе была увлекательной и куда более размеренной (за исключением первых недель, пришедшихся на эпизод с водяным сфинксом), чем его прежние обязанности следователя, раскрывающего преступления в научной сфере. Персонал Центра был предан своему делу и, в отличие от большинства других земных научных учреждений, придерживался законов этики. Все они выполняли бесспорно значимую работу, и даже введение в строй филиала Библиотеки в Ла-Пасе вряд ли повлияло бы на их труд и в одночасье лишило бы его смысла.

Но что еще важнее, в Центре он обзавелся друзьями, и те оказывали ему неоценимую поддержку в последний год, когда он принялся мало-помалу собирать в единое целое разрозненные осколки своего сознания.

«Особенно Глория. Если я останусь, с ней надо что-то делать, – подумал Джейкоб. – Что-то помимо дружеского флирта. Ее чувства слишком бросаются в глаза».

До той катастрофы в Эквадоре, которая привела его в Центр, где он надеялся заполучить работу и душевное спокойствие, он знал бы, как поступить, и обладал достаточной для этого храбростью. Теперь же он пребывал в раздрае и не был уверен, что когда-нибудь сможет отважиться на что-то большее, чем ни к чему не обязывающая интрижка.

После Таниной смерти минули два долгих года. И временами ему все еще становилось одиноко, несмотря на работу, друзей и все более увлекательные фокусы, которые он проделывал со своим мозгом.

Пейзаж постепенно становился более холмистым и бурым. Провожая взглядом проплывавшие за окном кактусы, Джейкоб поудобнее откинулся на спинку сиденья, наслаждаясь неторопливым ритмом езды. Даже теперь ему продолжала мерещиться легкая качка, словно он все еще был в море.

За холмами поблескивала океанская синева. Чем ближе извилистая дорога подходила к месту встречи, тем больше ему хотелось снова оказаться на борту судна и стать свидетелем ежегодной миграции китов: различить в воде первые горбатые спины и всплески хвостовых плавников, услышать голос вожака стаи.

Обогнув холм, он обнаружил парковку по обе стороны дороги, до отказа забитую небольшими электромобилями вроде его собственного. Впереди, на гребнях холмов, толпились люди. Перестроившись в крайний правый ряд, где движение регулировалось автоматически, он сбросил скорость и оторвал взгляд от шоссе. Что же там происходит? Из машины, припаркованной у левой обочины, выгрузились двое взрослых и несколько детишек с корзинами для пикника и

биноклями. Все они пребывали в заметном возбуждении и выглядели бы как типичное семейство на воскресной прогулке, если бы не серебристые одеяния и золотые амулеты. Большинство людей, собравшихся на вершине холма, были облачены точно так же. У многих оказались при себе телескопы, нацеленные вдаль. Разглядеть, куда именно, мешал возвышавшийся справа холм.

Публика, топтавшаяся на его вершине, нарядилась в выпендренные одежды пещерных людей. Этакие обогнавшие свою эпоху кроманьонцы: не доверяя топорам и копьям с кремневыми наконечниками, они вооружились телескопами, наручными часами, рациями и мегафонами.

Ничего удивительного, что эти две группы расположились на разных холмах. Единственное, что было у «рубах» и «шкур» общего, так это карантин, ограничивавший доступ к ПВЦ.

Над шоссе между двумя холмами красовался гигантский указатель.

РЕЗЕРВАЦИЯ ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВНЕЗЕМНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ, БАХА, КАЛИФОРНИЯ

Поднадзорным, не имеющим особого разрешения, въезд запрещен.

Посетителям, прибывшим впервые, просьба обратиться в информационный центр.

С амулетами и в первобытных одеяниях не входить.

«Шкурам» необходимо пройти регистрацию в информационном центре.

Джейкоб невольно улыбнулся. СМИ в свое время вдоволь порезвились по поводу последнего из распоряжений. По всем каналам крутили мультики, в которых с посетителей резерваций при входе сдирали кожу, а парочка похожих на змей пришельцев придирчиво ее разглядывали.

Припаркованные машины теснились вдоль дороги до самой вершины холма. Когда Джейкоб достиг верхней точки, его взору наконец открылся тот самый барьер.

На обширной пустоши, протянувшейся с востока на запад, высилась череда все тех же полосатых столбов. Краска успела потускнеть от времени. Круглые фонари, венчавшие вершины столбов, покрылись слоем пыли.

Раскиданные повсюду детекторы поднадзорных работали как сито, беспрепятственно пропуская зарегистрированных граждан на территорию резервации и обратно и при этом удерживая людей с испытательным сроком снаружи, а пришельцев внутри. Это было грубое напоминание об обстоятельстве, которое многие старательно игнорировали: существенная часть человечества носила вживленные передатчики, поскольку другая, еще большая, часть им не доверяла. Большинство не желало контактов между инопланетянами и теми, кого психологические тесты объявили «склонными к насилию».

Судя по всему, барьер успешно справлялся со своей задачей. По мере приближения к нему толпы, спускавшиеся с холмов по обе стороны от шоссе, становились все гуще, а их наряды – все вычурнее, однако все эти люди сбивались в кучу, так и не достигнув линии столбов. Не исключено, что среди «рубах» и «шкур» присутствовали и граждане, но они оставались по эту сторону барьера, со своими товарищами – то ли из солидарности, то ли в знак протеста.

Максимальной плотности толпа достигала у самого барьера. И «шкуры», и «рубахи» потрясали транспарантами вслед пролетающим мимо на полной скорости автомобилистам.

Джейкоб продолжал двигаться по полосе с автоматически регулируемым движением и смотрел по сторонам, прикрывая рукой глаза от яркого солнца и наслаждаясь зрелищем.

Стоявший слева юноша, с головы до ног обернутый в серебристый шелк, держал над головой плакат, гласивший: «Человечество тоже движется по пути прогресса: выпустите наших инопланетных братьев из резерваций!»

По другую сторону дороги, прямо напротив него, стояла женщина с транспарантом, закрепленным на древке копья: «Мы и сами неплохо справляемся! Иники, убирайтесь с Земли!»

Вот оно, яркое олицетворение разногласий. Весь мир жаждет узнать, кто же прав: приверженцы теории Дарвина или последователи фон Дэникена³. «Шкуры» и «рубахи» были всего лишь наиболее фанатичными и радикальными течениями, находившимися на двух полюсах расколовшегося на два философских лагеря человечества. А камнем преткновения стал вопрос происхождения *Homo Sapiens* как разумного вида.

А может, «рубах» и «шкур» ничто, кроме этого, и не разделяло?

Первые в своей любви к пришельцам впали в почти религиозное исступление. Что это, истерическая ксенофилия?

А неолитики с их тягой к нарядам и преданиям пещерных людей: что если их призывы к независимости от внеземного влияния имели под собой довольно простую причину – страх перед таинственными, но могущественными пришельцами? Это ли не ксенофобия?

Как бы там ни было, в одном Джейкоб не сомневался: и «рубах», и «шкур» объединяло недовольство. Недовольство осторожной, полной компромиссных шагов политикой Конфедерации по отношению к ПВЦ. Недовольство Законами об испытательном сроке, благодаря которым многие их собратья превратились в изгоев. Недовольство миром, где никто больше не был уверен в своем происхождении.

Джейкобу на глаза попался небритый пожилой мужчина. Тот присел на корточки у края дороги и, подпрыгивая, тыкал пальцем в землю у себя между ног и что-то вопил в облаке пыли, поднятой сотнями собравшихся. Подъезжая к нему, Джейкоб сбросил скорость.

Из одежды на старике были меховая куртка и кустарно сшитые кожаные штаны. По мере приближения Джейкоба мужчина, словно бесноватый, закричал и запрыгал с удвоенным остервенением.

– О-о! – выкрикнул он так, будто это было страшное ругательство. На губах выступила пена, а он все тыкал и тыкал пальцем в землю.

Заинтригованный, Джейкоб снизил скорость почти до нуля. Вдруг слева что-то вылетело, промелькнуло перед глазами и ударилось в стекло со стороны пассажирского сиденья. Потом что-то брякнулось на крышу, а через пару секунд на машину обрушился град мелких камешков, их дробный перестук эхом запульсировал в ушах.

Джейкоб поднял боковое стекло до упора, свернул с автоматически регулируемой полосы и дал по газам. При попадании каждого нового снаряда хлипкий металл и пластик его автомобиля покрывался вмятинами и царапинами. Внезапно за боковыми стеклами появились ухмыляющиеся рожи – рожи малолетних хулиганов с чахлыми усиками. Юнцы бежали рядом с медленно набиравшей скорость машиной, молотя по крыше кулаками и что-то выкрикивая.

Когда до барьера оставалось всего несколько метров, Джейкоб вдруг рассмеялся. Ему стало любопытно, чего они от него хотят. Слегка отпустив педаль газа, он повернулся к бежавшему рядом типу – недорослю, одетому как персонаж научно-фантастического романа, написанного в XX веке. Толпа, сгрудившаяся вдоль дороги, пестрела причудливыми нарядами и транспарантами.

Не успел Джейкоб заговорить, как машину ощутимо встряхнуло. В ветровом стекле образовалась дыра, а скромный по размерам салон наполнился запахом гари.

Джейкоб направил машину к барьеру. Мимо со свистом промелькнули полосатые столбы, и внезапно он оказался в полном одиночестве. В зеркале заднего вида маячили преследователи.

³ *Эрих фон Дэникен* (р. 1935) – швейцарский писатель и режиссер, сторонник гипотезы о том, что важнейшую роль в истории человечества сыграли пришельцы, якобы посетившие Землю в глубокой древности.

Юнцы что-то орали ему вслед и потрясали кулаками, торчавшими из рукавов футуристических одеяний. Джейкоб ухмыльнулся, опустил стекло и помахал им на прощание.

«Как теперь оправдываться перед фирмой, где я брал машину напрокат? – подумал он. – Сказать, что ли, что на меня напали войска империи Мин? Если скажу правду, все равно ведь не поверят».

О том, чтобы вызвать полицию, и речи не было. Местные копы и шагу не ступят без детектора, выявляющего поднадзорных. А парочке ребят с передатчиками ничего не стоит затеряться в толпе себе подобных. К тому же Фэйгин просил не привлекать к себе лишнего внимания.

Джейкоб открыл окна, чтобы запах дыма поскорее выветрился. Потом кончиком мизинца поковырял пулевое отверстие в стекле и ошарашенно улыбнулся.

«Тебе ведь это понравилось, разве нет?» – подумал он.

Одно дело – получить адреналиновую встряску, и совсем другое – смеяться в лицо опасности. Ощущение эйфории, возникшее в ходе потасовки у барьера, встревожило Джейкоба куда больше, чем необъяснимая агрессия толпы. Это был звоночек, привет из прошлого.

Минуту или две спустя на приборной доске что-то пискнуло.

Джейкоб встрепенулся. Автостопщик? Здесь? Впереди, за полкилометра или чуть меньше, у обочины стоял человек, держа свои наручные часы так, чтобы они попали в зону действия поискового луча. У его ног лежали две дорожные сумки.

Джейкоб помедлил в нерешительности. Тут, на территории резервации, разрешено было находиться только гражданам. Он проехал мимо автостопщика и через несколько метров притормозил у обочины.

Что-то в этом типе показалось ему знакомым. Это был краснолицый коротышка в темно-сером деловом костюме; пока он подтаскивал к машине Джейкоба свою тяжелую поклажу, его внушительное брюхо ходило ходуном. Толстяк наклонился к окну и заглянул в машину, лицо его заливал пот.

– Боже, ну и жара! – простонал он. Коротышка говорил на стандартном английском, но с заметным акцентом. – Неудивительно, что никто не пользуется автоматической полосой, – продолжал он, утирая лоб платком. – Все несутся сломя голову, чтобы в окошко задувал свежий ветерок! Однако ваше лицо мне знакомо, должно быть, мы где-то уже сталкивались. Я Питер Ларок... или Пьер, если вам угодно. Я из «Монд».

Джейкоб вздрогнул.

– О, конечно, Ларок. Мы действительно уже встречались. Меня зовут Джейкоб Демва. Садитесь, я еду только до информационного центра, но там вы сможете сесть на автобус.

Он надеялся, что выражение лица не выдает его чувств. Жаль, что он не узнал этого субчика, прежде чем затормозить. Если бы узнал, вряд ли остановился.

Не сказать чтобы этот человек успел ему чем-то досадить... если не считать его непомерного самомнения и неистощимого запаса суждений по любому поводу, которые он готов был обрушить на кого придется при первой же возможности. В каком-то смысле это был, пожалуй, даже выдающийся человек. У него, несомненно, имелись свои поклонники среди любителей продэникенски настроенной прессы. Джейкоб читал кое-какие статьи Ларока и неизменно наслаждался если не содержанием, то как минимум стилем изложения.

Но Ларок принадлежал к той когорте писак, которые неделями не давали ему прохода после того, как он разгадал загадку водяного сфинкса. Причем успел доконать его чуть ли не больше остальных. Да, заключительный материал, опубликованный «Монд», был благожелательным, да и написан был великолепно. Однако он не окупал причиненных неудобств.

Джейкоб был рад, что пресса не добралась до него раньше, после несчастья в Эквадоре, той истории с Ванильным Шпилом. Еще и Ларока, в довершение ко всем бедам, он бы тогда точно не перенес.

Теперь же его просто раздражал очевидно фальшивый «национальный» акцент Ларока. Со времен их последней встречи этот акцент даже усилился, если такое возможно.

– Демва? А, конечно! – воскликнул толстяк. Затолкав сумки за пассажирское сиденье, он наконец уселся. – Мастер афоризмов! Ценитель непознанного! Должно быть, вы прибыли сюда, чтобы разгадать головоломку-другую для наших distinguished инопланетных гостей? Или, может быть, вам нужно свериться с источниками в великой Библиотеке в Ла-Пасе?

Джейкоб вернулся на полосу автоматического управления, жалея, что лично не знаком с тем, кто ввел моду на «национальный» акцент. Этого гада стоило бы придушить.

– Я здесь в качестве консультанта, и среди моих работодателей есть и представители внеземных цивилизаций, если вы об этом. Но подробности разглашать не имею права.

– Ах да, все очень секретно! – Ларок игриво покачал толстым пальцем. – Но нельзя же так дразнить журналиста! То, над чем сегодня трудитесь вы, завтра вполне может стать темой моей работы! Однако вы наверняка гадаете, что привело лучшего репортера «Монд» в эту глушь, так ведь?

– Вообще-то, – возразил Джейкоб, – меня скорее интересует, как вы оказались голосующим на дороге посреди этой глуши.

Ларок вздохнул.

– В самом деле настоящая дыра! Как печально, что посетившие нас distinguished инопланетяне вынуждены прозябать здесь или в других столь же унылых уголках вроде вашей Аляски!

– Есть еще Гавайи, Каракас, Шри-Ланка, Капитолий Конфедерации, – напомнил Джейкоб. – Однако вернемся к цели...

– К цели моего визита сюда? Да, конечно, Демва! Но может быть, развлечемся немного, и вы блеснете своими знаменитыми дедуктивными способностями? Вдруг вам удастся угадать?

Джейкоб с трудом сдержал стон. Подавшись вперед, он свернул с управляемой полосы и что было мочи дал по газам.

– У меня есть идея получше, Ларок. Раз уж вы не хотите рассказывать, как оказались на дороге в таком безлюдном месте, может быть, тогда проясните для меня кое-что?

И Джейкоб описал сцену у барьера. Концовку с нападением он опустил, надеясь, что журналист не заметил дырку в ветровом стекле, зато подробно изложил, как вел себя сидевший на корточках старик.

– Ну конечно! – воскликнул Ларок. – Нет ничего проще! Вспомните, как в народе сократили упомянутый вами термин «пожизненный поднадзорный». Это ужасное клеймо, которое лишает человека каких-либо прав: права на отцовство, права голоса...

– Слушайте, не надо лекций, я заранее согласен со всеми вашими доводами. – Джейкоб ненадолго задумался. – Что же это за сокращение? А, кажется, понимаю.

– Да, бедняк всего лишь хотел отплатить вам! Вы, горожане, называете ему подобных «пи-пи»... так разве не справедливо, что он в ответ обвиняет вас в том, что вы «оболванены и одомашнены»? Следовательно, получаем «о-о»!

Джейкоб невольно расхохотался. Дорога начала петлять.

– Интересно, зачем эта толпа вообще собралась у барьера? Они как будто ждали кого-то.

– У барьера? – переспросил Ларок. – Ах да. Я слышал, такое происходит каждый четверг. Иники из центра поднимаются на холм поглазеть на не-горожан, а те, в свою очередь, приходят пилиться на Иников. Весело, да? Как в обезьяннике, только непонятно, кто кому должен кидать бананы!

Дорога вывернула из-за холма, и впереди показалась конечная точка поездки.

Информационный центр в нескольких километрах к северу от Энсенады представлял собой широко раскинувшееся поселение, состоявшее из заселенных ПВЦ кварталов, музеев и спрятанных подальше от посторонних глаз казарм для приграничного патруля. За простор-

ной автостоянкой возвышался главный корпус, где посетителям, оказавшимся здесь впервые, читали лекции по галактическому протоколу.

Здание располагалось на небольшом плато между шоссе и океаном, из окон открывались отличные виды и на то и на другое. Джейкоб припарковал машину у главного входа. Ларок еще гуще покраснел, явно пребывая в глубокой задумчивости. Потом вдруг поднял взгляд.

– Знаете, я ведь пошутил, ну недавно, когда ляпнул про бананы. Это была всего лишь шутка.

Джейкоб кивнул, недоумевая, что это на него нашло. Странно.

3

Гештальт

Джейкоб помог Лароку донести сумки до автобусной остановки, а потом обошел вокруг главного здания в поисках удобного местечка, где можно было бы посидеть и подождать. До начала встречи оставалось десять минут.

С той стороны, где постройка возвышалась над небольшой бухтой, обнаружился внутренний дворик с раскидистыми деревьями и столиками для пикников. Облюбовав один из столиков, Джейкоб уселся на него, а ноги положил на скамейку. Керамическая плитка оказалась холодной на ощупь, а налетевший с океана бриз мигом забрался под одежду, остудив раскрасневшуюся кожу и высушив пропитавший рубашку пот.

Несколько минут Джейкоб провел в тишине, пока затвердевшие мышцы плеч и поясницы расслаблялись одна за другой, сбрасывая накопившееся за поездку напряжение. Он сфокусировал взгляд на небольшой яхте с гротом и стакселем такого насыщенного зеленого цвета, что парусам удалось затмить зелень океана, а затем прикрыл глаза и погрузился в транс.

Плавание в пустоте. Джейкоб по очереди прислушался ко всем органам чувств, а потом отключил их. Сосредоточиваясь то на одном, то на другом мускуле, он отсекал напряжение и вообще какие бы то ни было ощущения. Вскоре конечности онемели и стали казаться чужими.

Только бедро продолжало чесаться, но руки безмятежно покоились на коленях, пока зуд не утих сам собой. Солёный запах моря был приятным, но он отвлекал. Джейкоб заставил его исчезнуть. Затем отключил стук сердца, прислушиваясь к нему с безраздельным вниманием, пока не привык настолько, что перестал замечать.

Как повелось в последние два года, Джейкоб довел транс до фазы очищения, когда перед глазами с поразительной скоростью появляются и исчезают разные образы, избавляя от боли, а два полушария, разлученные друг с другом, пытаются снова слиться в единое целое. Этот процесс никогда не доставлял ему удовольствия.

Он был один, почти совсем один. Оставался только фоновый шум голосов, приглушенное бормотание, еле различимые обрывки фраз. На миг Джейкобу показалось, будто он уловил, как Глория и Джонни спорят насчет Макакаи, а потом голос самой Макакаи, щебетавшей что-то фразолюбивое на своем языке, примитивно преобразованном в троичный код.

Он бережно отгонял от себя все звуки, ожидая одного, который всегда появлялся с предсказуемой внезапностью: голос Тани, что-то кричавшей ему (он так и не смог разобрать, что именно) и падавшей в бездну, пролетающей мимо его протянутых навстречу рук. Он слышал ее голос, пока продолжалось падение, все двадцать миль, ее силуэт постепенно превратился в крохотное пятнышко, а потом и вовсе исчез, а Джейкоб по-прежнему слышал, как она зовет его.

В конце концов умолк и этот тихий голос, оставив после себя непривычную тревогу.

В мозгу вспыхнула картинка: жестокая, гротескная версия недавнего инцидента в приграничной зоне. Он вдруг снова перенесся туда, но на сей раз оказался в толпе поднадзорных. Бородатый мужчина, одетый как жрец пиктов, протянул ему бинокль и кивком велел воспользоваться им.

Джейкоб поднес бинокль к глазам и посмотрел туда, куда указывал мужчина. Изображение плавилось из-за исходящих от асфальта волн жара, по ту сторону протянувшейся от края до края горизонта линии леденцово-полосатых столбов, достававших до самого солнца, подъехал к остановке автобус.

Затем картинка исчезла. С выработанным за годы тренировок безразличием Джейкоб поборол искушение обдумать увиденное, и его сознание заполнила пустота.

Тьма и тишина.

Он оставался в глубоком трансе, рассчитывая, что внутренние часы непременно подадут сигнал, когда придет пора очнуться. Джейкоб медленно продвигался мимо неясных контуров, лишенных символики и давно знакомых смыслов, ускользающих от попыток описать или запомнить их. Он терпеливо искал ключ, который наверняка был где-то рядом и который когда-нибудь обязательно найдется.

Наконец исчезло даже время, затерявшись среди других вещей в глубине переходов.

Безмолвную тьму вдруг пререзала острая боль, выведя мозг из оцепенения. Потребовалось какое-то мгновение, вечность, длившаяся, скорее всего, не больше сотой доли секунды, чтобы установить ее источник. Боль оказалась пронзительно-голубым светом, который проник сквозь сомкнутые веки и ударил по глазам, обретавшим под гипнозом необычайную чувствительность. В следующий миг, еще до того, как Джейкоб успел среагировать, боль исчезла.

Еще несколько секунд ушло на то, чтобы побороть растерянность. Пока он пытался сосредоточиться исключительно на возвращении в сознательное состояние, в мозгу, как вспышки, мелькали сотни порожденных паникой вопросов.

Что за фокус подсознания скрывался за этим пронзительно-голубым светом? «Загнанный в угол невроз, который столь яростно защищается, может сулить серьезные проблемы! Какой потаенный страх я случайно разбередил?»

По мере выхода из транса стал восстанавливаться слух.

До Джейкоба донесся звук приближающихся шагов. Он вычленил его из шума ветра и волн, но под действием транса казалось, что такие звуки могли бы издавать мягкие страусиные лапы, обутые в мокасины.

Через несколько секунд после той умозрительной яркой вспышки он вынырнул из глубокого транса. И открыл глаза. В нескольких метрах от него стоял высокий пришелец. Первое впечатление: высокого роста, сам весь белый и с огромными красными глазами.

Джейкобу на миг показалось, что мир вокруг него перевернулся.

Вцепившись в края столешницы и уронив голову на грудь, он попытался успокоиться. Зажмурил глаза.

«Ну и дела! – подумал Джейкоб. – Голова так гудит, будто я только что расколол об нее земной шар!»

Он протер глаза ладонью и снова осторожно попытался их открыть.

Инопланетянин никуда не делся. Значит, это не галлюцинация. Перед ним был гуманоид ростом никак не меньше двух метров. Большую часть его хрупкого удлинённого тела скрадывало длинное одеяние серебристого цвета. Руки, сложенные на груди в знак почтительного ожидания, были длинные, белые и лоснились.

Тонкую шейку венчала крупная круглая голова. Лишенные век, красные стебельчатые глаза были огромны, как, впрочем, и губы. Они, бесспорно, доминировали на лице, где располагалось еще несколько мелких органов неизвестного назначения. Джейкоб впервые встречал представителя этого вида.

В глазах существа явно читался ум.

Джейкоб прочистил горло. Ему все еще приходилось бороться с накатывающим волнами головокружением.

– Простите... Нас не представили друг другу, и я... не знаю, как к вам следует обращаться, но, полагаю, вы прибыли сюда, чтобы встретиться со мной?

Большая белая голова кивнула, подтверждая его догадку.

– Вы один из тех, с кем я должен встретиться по просьбе кантена Фэйгина?

Инопланетянин снова кивнул.

«Видимо, это означает „да“, – подумал Джейкоб. – Интересно, он вообще говорить умеет? И что за речевой аппарат может скрываться за такими губищами?»

Кстати, почему это существо стоит столбом? Есть в его позе что-то такое, что наводит на мысль о...

– Позвольте предположить: вы представитель расы клиентов и ждете разрешения заговорить?

«Губы» слегка раздвинулись, и между ними мелькнуло что-то белое и блестящее. Пришелец еще раз кивнул.

– Тогда прошу вас, говорите! Мы, люди, как известно, предпочитаем минимум церемоний. Как ваше имя?

Прозвучавший в ответ голос оказался на удивление низким. Он исторгался из расширившегося рта с отчетливым пришепетыванием.

– Меня зовут Кулла, шэр. Шпашибо. Меня послали ужнать, не жаблудилишь ли вы. Шледуйте жа мной, опшальные уже в жборе. Или, ешли вам угодно, можете продолжать медитировать до ушловленного времени начала вштречи.

– Нет-нет, пойдёмте, ради всего святого!

Джейкоб, пошатываясь, встал. На секунду прикрыл глаза, очищая разум от последствий транса. Рано или поздно ему предстоит выяснить, что случилось, пока он был под гипнозом, но это дело вполне может подождать.

– Что ж, ведите.

Кулла повернулся и медленной скользящей походкой направился к одной из боковых дверей Центра.

Пришелец явно был представителем расы клиентов – одной из тех, чье двустороннее соглашение с расой патронов все еще было в силе. Подобные расы низко котиrowались в негласной галактической иерархии. Джейкобу, которого вся эта хитрая и запутанная галактическая дипломатия по-прежнему ставила в тупик, оставалось только радоваться, что человечество по счастливой случайности занимало более высокую, хотя и шаткую позицию на этой иерархической лестнице.

Кулла привел его на второй этаж, к массивной дубовой двери. Без стука распахнув ее, пришелец первым вошел в зал, где проходила встреча.

Джейкоб заметил двух человек и еще двух инопланетян, не считая Куллы: один был небольшого роста и покрыт шерстью, а другой еще мельче и смахивал на ящерицу. Они расположились на подушках между какими-то раскидистыми комнатными растениями и окном во всю стену, из которого открывался вид на бухту.

Джейкоб попытался проанализировать произведенное инопланетянами впечатление, пока не попал в поле их зрения, но не прошло и секунды, как кто-то окликнул его по имени.

– Джейкоб, друг мой! Как это любезно с твоей стороны – приехать и уделить нам свое драгоценное время! – свистящий голос, несомненно, принадлежал Фэйгину. Джейкоб торопливо огляделся.

– Фэйгин, но где...

– Я здесь.

Он снова поглядел на компанию у окна. Люди и мохнатый ПВЦ поднялись со своих мест, один только пришелец-ящер не сдвинулся с подушки.

Джейкоб проследил взглядом дальше и вдруг опознал Фэйгина в одном из «комнатных растений». Увенчанная серебристыми чешуйками ботва старого кантена нежно зазвенела от легкого бриза.

Джейкоб улыбнулся. Всякий раз при встрече с Фэйгином он сталкивался с одной и той же проблемой. Когда общаешься с гуманоидами, обычно стараешься отыскать лицо или некую часть тела, выполняющую те же функции. И в большинстве случаев найти в странных инопланетных чертах место, на котором можно сфокусировать взгляд, удается быстро и без труда.

Почти у каждого имеется какая-нибудь анатомическая деталь, к которой невольно начинаешь обращаться, подразумевая, что этот орган отвечает за восприятие. У людей, а зачастую и у инопланетян такой деталью служат глаза.

У кантена глаз не было. Джейкоб подозревал, что яркие серебристые наросты, звеневшие, как колокольчики, играли в организме Фэйгина роль световых рецепторов. Если так, то от этого знания все равно мало толку. В результате приходилось смотреть на всего Фэйгина целиком, а не довольствоваться какой-то одной точкой, олицетворявшей его «я». Это заставляло Джейкоба гадать, какая из двух версий менее вероятна: что он все-таки сумел привязаться к пришельцу, невзирая на эту помеху, или что он, несмотря на многолетнюю дружбу, все еще ощущает в присутствии Фэйгина неловкость.

Темное, покрытое листвою туловище Фэйгина отделилось от окна и устремилось навстречу другу, то и дело выгибаясь и поочередно выбрасывая вперед узловатые корни. Джейкоб удостоил его полусерьезным-полушутливым поклоном и стал ждать дальнейшего развития событий.

– Джейкоб Альварес Демва, а-Человек, уль-Дельфин-уль-Шимпанзе, приветствуем тебя. Для столь ничтожного создания, как я, огромная радость ощущать тебя сегодня, в очередной раз, – речь Фэйгина была четкой, однако он неосознанно произносил фразы как бы нараспев, из-за чего его акцент напоминал помесь шведского и кантонского. Язык дельфинов и троичный код давались ему куда легче.

– Фэйгин, а-Кантен, аб-Линтен-аб-Сикул-уль-Ниш, Миорки Кифу, рад снова видеть тебя! – Джейкоб поклонился.

– Эти досточтимые создания явились сюда, чтобы обменяться с тобой мудростью, дружище Джейкоб, – сообщил Фэйгин. – Надеюсь, ты готов к церемонии знакомства.

Джейкоб настроился, стараясь зафиксировать в памяти витиеватые имена пришельцев и уделяя им не меньше внимания, чем их наружности. Имена патронов и цепочка имен клиентов способны немало поведать о статусе каждого из присутствующих. Он кивком попросил Фэйгина приступить к представлению.

– Позволь официально представить тебя Буббакубу, а-Пил, аб-Киса-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер-уль-Гелло-уль-Принг, из Института при Библиотеке.

Один из ПВЦ сделал шаг вперед. В первые секунды знакомства у Джейкоба возник образ-гештальт: серый плюшевый медвежонок ростом в четыре фута. Однако широкая морда и густые ресницы не совсем укладывались в этот портрет.

Так вот он какой, этот Буббакуб, директор филиала Библиотеки! Филиал Библиотеки в Ла-Пасе практически свел на нет тот чахлый торговый баланс, которого Земля сумела достичь за годы после контакта. Но даже при таких раскладах колоссальный труд по приспособлению крошечного заштатного филиала к нуждам людей осуществлялся силами Института при Библиотеке безвозмездно, как акт благотворительности, с целью помочь «слаборазвитой» человеческой расе догнать остальную галактику. Как руководитель филиала Буббакуб считался одним из самых высокопоставленных инопланетян на Земле. Его многочисленные родовые имена также указывали на высокий статус – даже выше, чем у Фэйгина.

Четырехкратное повторение частицы «аб» означало, что родичей Буббакуба приобщила к духовности другая разумная раса, а ту, в свою очередь, третья, и так далее, вплоть до овейной мифами изначальной расы, произошедшей от Прародителей, а также что эти четыре «родительские» расы по-прежнему живут где-то на просторах Галактики. Столь длинная цепочка свидетельствует о высоком положении в разветвленной галактической культуре, где каждая раса, освоившая космические путешествия (пожалуй, за одним-единственным исключением – человечество), была выведена из состояния полуразумных дикарей и возвращена какой-то предшествующей покорившей космос расой.

Удвоенная частица «уль» говорила о том, что и сами пила стали воспитателями-патронами для двух новых культур. И это тоже упрочило их авторитет.

Единственным обстоятельством, не дававшим всей галактике окончательно задрать нос по отношению к «сиротской» человеческой расе, стал довод, что человеку и самому посчастливилось дважды опекать новые разумные расы, и случилось это еще до того, как «Везарий», вступивший в контакт с ПВЦ, вернулся домой.

Пришелец отвесил некое подобие поклона.

– Меня зовут Буббакуб.

Голос звучал как-то искусственно и доносился из диска, висевшего у пила на шее.

Это же водор! Значит, пилам для общения на английском языке требуется аппарат-помощник. Исходя из простоты устройства, намного уступавшего в размерах приборам, которыми пользовались инопланетные гости, чья родная речь напоминала чирикание или скрип, Джейкоб предположил, что Буббакуб на самом деле способен воспроизводить английские слова, но на частоте ниже той, какую улавливает человеческое ухо. Решив принять на веру, что его-то собеседник расслышит, он кивнул и сказал:

– Меня зовут Джейкоб. Добро пожаловать на Землю!

Рот Буббакуба несколько раз беззвучно раскрылся и закрылся.

– Спасибо, – зажужжал водор, выплевывая короткие рубленые слова. – Рад здесь находиться.

– Всегда к вашим услугам как коренной житель принимающей вас планеты. – Джейкоб поклонился на самую малость ниже, чем кланялся Буббакуб. Пришелец, по-видимому вполне удовлетворенный, вернулся на свое место.

Фэйгин продолжил церемонию знакомства.

– Эти досточтимые создания – той же расы, что и вы. – Ветка с пучком лепестков неопределенно махнула в сторону двух человеческих особей, седовласого господина в твидовом костюме и высокой темнокожей дамы средних лет, довольно привлекательной. – Я представлю им тебя, – продолжал Фэйгин, – в неофициальной манере, как и предпочитают земляне: Джейкоб Демва, познакомься с доктором Дуэйном Кеплером, руководителем экспедиции «Погружение в Солнце», и доктором Милдред Мартин с факультета парапсихологии Университета в Ла-Пасе.

Из всего облика Кеплера первым делом бросались в глаза внушительные, подкрученные кверху усы. Он расплылся в улыбке, но Джейкоб был настолько изумлен, что на все его расшаркивания отвечал односложно.

Экспедиция «Погружение в Солнце»! Исследования на Меркурии и в солнечной хромосфере в последнее время стали в Ассамблее Конфедерации предметом политических махинаций. Фракция «Приспособиться и выжить» заявила, что бессмысленно тратить такие суммы на то, что можно запросто узнать в Библиотеке, и что на те же средства можно было нанять в несколько раз больше безработных ученых здесь, на Земле, в рамках программы искусственного создания рабочих мест. В то время как фракция «Самодостаточность» продолжала гнуть свою линию, несмотря на нападки со стороны продэникеновски настроенных СМИ.

Джейкобу же сама идея направить космический корабль с людьми внутрь звезды казалась первостатейным бредом.

– Кантен Фэйгин отзывался о вас с большим энтузиазмом, – сообщил Кеплер. Глава экспедиции улыбался, но глаза у него были красные, а набрякшие мешки под ними свидетельствовали о том, что его что-то тревожило. Он сжал ладонь Джейкоба обеими руками и быстро встряхнул ее, не прерывая разговора. Голос у него был звучный, но иногда дрожал, что не укрылось от Джейкоба. – Мы вернулись на Землю совсем ненадолго. Невероятная удача, что Фэйгину удалось уговорить вас встретиться с нами. Мы искренне надеемся, что вы согласитесь

отправиться с нами на Меркурий, ваш опыт в области межвидовых контактов для нас поистине бесценен.

Джейкоб вздрогнул. Ну уж нет, на сей раз ничего у тебя не выйдет, чудище с листьями! Его так и подмывало найти Фэйгина и испепелить его взглядом, но, хоть церемония представления и была неофициальной, элементарные межчеловеческие правила приличия требовали, чтобы он уделил собеседникам время и поддержал светскую беседу. Меркурий, уму непостижимо!

Лицо доктора Мартин с готовностью осветилось милой улыбкой, но, когда Джейкоб обменивался с ней рукопожатиями, ему показалось, что вид у нее слегка скупающий.

Джейкоб подумал, уместно ли спросить: какое отношение парапсихология имеет к физике Солнца, да так, чтобы они не усмотрели в этом признак заинтересованности, однако осуществить задуманное помешал Фэйгин.

– Позволю себе вклиниться в разговор – обычно при неформальном общении человеческих существ это считается приемлемым, если в разговоре возникла пауза. Еще одно достойное существо ждет своей очереди быть представленным.

«М-да, – подумал Джейкоб. – Надеюсь, этот Иник не слишком мнительный и не оскорбится из-за долгого ожидания». Он повернулся вправо, к разноцветной мозаичной стене, где расположилось существо, похожее на ящерицу. Пришелец поднялся с подушки и, перебирая шестью ногами, направился к нему. Длина его составляла чуть меньше метра, а рост не превышал двадцати сантиметров. Пройдя мимо и даже не взглянув в его сторону, существо приналось тереться о ноги Буббакуба.

– Кхм, – подал голос Фэйгин. – Это всего лишь домашняя зверушка. А создание, с которым я хотел тебя познакомить, это тот самый уважаемый клиент, который был твоим проводником по пути сюда.

– О, прошу прощения, – усмехнулся Джейкоб и усилием воли придал лицу серьезное выражение.

– Джейкоб Демва, а-Человек, уль-Дельфин-уль-Шимпанзе, будь добр, познакомься с Куллой, а-Принг, аб-Пил-аб-Киса-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер, помощником Буббакуба и представителем Библиотеки в проекте «Погружение в Солнце».

Как Джейкоб и ожидал, вся цепочка состояла только из имен патронов. У прингов пока не было собственных клиентов. Впрочем, они принадлежали к линии Пубер/Соро. В один прекрасный день они тоже обретут высокий статус как члены старинной и могущественной цепочки. Он обратил внимание, что раса Буббакуба также принадлежала к ветви Пубер/Соро, и пожалел, что не запомнил, не приходится ли случаем пилю и принги друг другу патронами и клиентами.

Пришелец шагнул навстречу, но руку для пожатия не протянул. Руки у него были длинные и тонкие, на каждой ладони по шесть длинных, похожих на щупальца пальцев. На вид всё очень хрупкое. От Куллы исходил слабый аромат, чем-то напоминавший запах свежескошенного сена и ничуть не противный.

Когда Кулла поклонился в знак состоявшегося знакомства, его стебельчатые глаза сверкнули. «Губы» ПВЦ раздвинулись, обнажив пару белых, сверкающих, похожих на жернова пластин: одна сверху, а другая снизу. Гибкие, частично приспособленные для хватания губы привели в движение челюсти, и те сомкнулись с громким клацаньем, напоминающим звук бьющегося фарфора.

На его родине такое клацанье вряд ли выражает дружелюбие, поежился Джейкоб. Возможно, пришелец обнажил свои гигантские жвалы, имитируя человеческую улыбку. Зрелище получилось устрашающее и в то же время интригующее. Интересно, для чего предназначены такие жевательные пластины? А еще Джейкоб надеялся, что впредь Кулла не станет без необходимости разевать рот.

Едва заметно кивнув, он произнес:

– Меня зовут Джейкоб.

– Меня зовут Кулла, шэр, – отозвался пришелец. – Ваша Жемля ошень приятное мешто.

Его огромные красные глаза потухли. Кулла, пятясь, отошел. Буббакуб пригласил собравшихся вернуться к окну и подушкам. Маленький пил устроился полулежа, его симметричные четырехугольные руки свисали по обе стороны от подушки. Домашняя зверушка подошла и свернулась клубочком рядом с хозяином.

Кеплер подался вперед и, запинаясь, проговорил:

– Простите, что оторвали вас от важной работы, мистер Демва. Я знаю, вы очень занятой человек. Я надеюсь только, что нам удастся убедить вас в том, что наша маленькая... проблема стоит вашего времени и достойна ваших способностей.

Доктор Кеплер положил руки на колени и сплел пальцы.

Доктор Мартин слушала излияния Кеплера с терпеливой и чуть насмешливой улыбкой. В общей картине оставалось несколько деталей, не дававших Джейкобу покоя.

– Видите ли, доктор Кеплер, Фэйгин должен был предупредить вас, что после гибели жены я отошел от дел и больше не стремлюсь разгадать все тайны бытия. К тому же в настоящее время я весьма загружен, возможно слишком загружен, чтобы отправиться в длительное межпланетное путешествие...

Доктор Кеплер расстроился. На его лице отобразилось такое отчаяние, что Джейкоб не смог остаться равнодушным.

– Тем не менее, поскольку кантен Фэйгин зарекомендовал себя как личность проницательная, я охотно выслушаю всякого, кого он ко мне направит, а стоит ли игра свеч – это уж мне решать.

– О, этот случай непременно вас заинтересует! Я всегда говорил, что нам необходим свежий взгляд. И, конечно, теперь, после того как кураторы согласились привлечь консультантов...

– Постойте, Дуэйн, – прервала его доктор Мартин. – Вы не до конца честны в изложении картины. Я пришла к вам как консультант полгода назад, а Кулла обеспечил вам доступ к библиотечным фондам еще раньше. Теперь же мистер Буббакуб любезно согласился усилить поддержку со стороны Библиотеки, кроме того, он лично отправится с нами на Меркурий. Думаю, кураторы были к нам более чем щедры.

Джейкоб вздохнул.

– Может быть, кто-нибудь все-таки объяснит мне суть происходящего? Например, вы, доктор Мартин, не могли бы поведать, в чем состоит ваша работа... на Меркурии? – Почему-то ему оказалось трудно произнести словосочетание «Погружение в Солнце».

– Я консультант, мистер Демва. Меня наняли для проведения психологических и парапсихологических тестов с членами команды и окружающей средой на Меркурии.

– Надо полагать, все это как-то связано с упомянутой доктором Кеплером проблемой?

– Поначалу все думали, что наблюдаемый феномен – результат какого-то розыгрыша или что-то вроде массового психоза. Я исключила оба варианта. Теперь очевидно, что отмеченные процессы реальны и действительно протекают в солнечной хромосфере. Вот уже несколько месяцев я разрабатываю идеи парапсихологических экспериментов, которые будут проводиться при погружениях в Солнце. Ну и кроме того, я как психотерапевт помогаю некоторым членам экипажа «Погружения в Солнце». Напряжение, возникающее во время подобных исследований, не может не сказываться на психике.

Мартин казалась компетентной, но было в ее подходе и что-то настораживающее. Может быть, легкомыслие? Джейкоб гадал, какого рода отношения связывают ее и доктора Кеплера. Проводила ли она и с ним сеансы психотерапии?

«И если уж на то пошло, зачем здесь я? Что если только ради исполнения болезненных капризов великого ученого, которого нужно поддерживать, пока проект не будет завершен? Такие мысли не очень-то радуют. Как и перспектива быть втянутым в политические интриги.

А Буббакуб, глава целого филиала Библиотеки на Земле, – каким образом он-то ввязался в мутный проект землян? Маленький пил – в некотором роде самый влиятельный ПВЦ на нашей планете, за исключением посла Тимбрими. Возглавляемый им Институт при Библиотеке – крупнейшая и мощнейшая из галактических организаций, на фоне которой фэйгиновский Институт Прогресса выглядит как оркестр, состоящий из одних только бубнов да барабанов. И такая важная персона, по словам Мартин, летит на Меркурий?»

Буббакуб таращился в потолок, не принимая участия в беседе. Его губы шевелились, словно он пел на недоступной человеческому уху частоте.

Сверкающие глаза Куллы были прикованы к маленькому директору Библиотеки. Может, он слышал его песню, или его тоже утомили бесконечные разговоры.

«Кеплер, Мартин, Буббакуб, Кулла... Думал ли я, что когда-нибудь окажусь в компании, где Фэйгин будет казаться наименее странным!»

Под боком вдруг зашелестела ботва. Фэйгин явно был полон энтузиазма. Джейкоб недоумевал, что же такое творилось в ходе этой экспедиции, что могло настолько воодушевить кантена.

– Доктор Кеплер, есть шансы, что мне удастся выкроить время и помочь вам... Пока только шансы. – Джейкоб пожал плечами. – Но для начала не мешало бы узнать, из-за чего весь сыр-бор?

Кеплер просиял.

– Ох, неужели я вам не сказал? Ну и ну! Видно, дело в том, что я в последние дни гнал от себя дурные мысли... Как говорится, закрывал глаза на проблему.

Он выпрямился и набрал в грудь побольше воздуха.

– Мистер Демва, такое ощущение, что Солнце обитаемо.

Часть II

В доисторические времена и в самом начале летоисчисления на Земле побывали гости из космоса. Эти неизвестные существа при помощи целенаправленных генетических мутаций сделали человека разумным. Представители внеземной цивилизации облагородили гоминидов, сформировав их «по своему образу и подобию». Вот почему мы похожи на них, а не они на нас.

Эрих фон Дэникен. Колесницы богов

Высшая психическая деятельность, например вера, альтруизм и нравственность, – все это возникло эволюционным путем и имеет под собой материальную основу.

Эдвард О. Уилсон⁴. О человеческой природе

4

Мнимый образ

«Брэдбери» был кораблем нового поколения. В нем применялись куда более передовые технологии, чем у его предшественников, осуществлявших коммерческие перевозки: корабль стартовал с уровня моря и использовал собственные двигатели, а не доставлялся к станциям на вершинах экваториальных шпилей, болтаясь под брюхом громадного воздушного шара. Он представлял собой огромную сферу и по прежним меркам казался исполином.

Джейкобу впервые довелось очутиться на борту детища галактического прогресса, за которым стояли миллиарды лет научных изысканий. Расположившись в холле первого класса, он наблюдал, как Баха превратилась сначала в коричневую стену между двумя морями, а потом в едва заметную полосу, протянувшуюся вдоль мексиканского побережья. Зрелище сногсшибательное, но при этом вызывающее легкое разочарование. В реве и ускорении реактивного самолета или в медленном величественном скольжении прогулочного дирижабля романтики было куда больше. К тому же, когда ему раньше приходилось покидать Землю, отбывая или возвращаясь на воздушном шаре, у него всегда получалось поглазеть на другие корабли, сверкающие и важные, подплывавшие к силовой станции или спускавшиеся к герметичным внутренним помещениям шпилей.

Ни один из колоссальных шпилей никогда не казался ему скучным. Тонкие керамические стены, удерживавшие при нормальном атмосферном давлении башни высотой в 20 миль, были покрыты внушительными росписями – громадными пикирующими птицами и стилизованными сценами космических битв, скопированными из фантастических журналов XX столетия. Там никогда не возникало ощущения клаустрофобии.

И все-таки Джейкоб рад был оказаться на борту «Брэдбери». Возможно, когда-нибудь, одолеваемый ностальгией, он наведается на Шоколадный шпиль, что на вершине горы Кения. Но что касается его собрата, расположенного в Эквадоре... Джейкоб не хотел бы увидеть Ванильный шпиль еще хоть раз.

И пускай из Каракаса до гигантского сооружения рукой подать. Пускай, если ему вздумается снова там побывать, его примут с распростертыми объятиями, как того самого героя, который спас чудо земной инженерной мысли, вызывавшее восхищение всей Галактики.

⁴ Эдвард Осборн Уилсон (р. 1929) – американский биолог, эколог, писатель, дважды лауреат Пулитцеровской премии.

Спасая шпиль, Джейкоб Демва лишился жены и частично – рассудка. Цена оказалась непомерно высока.

Когда Земля съежилась до размеров небольшого диска, Джейкоб отправился на поиски судового бара. Его внезапно потянуло к людям. Входя на борт, он ничего похожего еще не испытывал. Отпроситься в Центре, придумав для Глории и остальных коллег убедительные отговорки, оказалось не так-то легко. Макакаи на прощание закатила сцену. К тому же многие из заказанных им исследований по физике Солнца не успели доставить до его отъезда, и их обещали прислать прямо на Меркурий. И в довершение всех бед он сам ел себя поездом, недоумевая, за каким чертом ввязался в эту авантюру.

И вот теперь он плелся по главному коридору, опоясывавшему корабль по экватору, пока не наткнулся на забитый народом тускло освещенный зал. Оказавшись внутри, он протолкался сквозь толпу галдящих и выпивающих пассажиров к барной стойке.

В небольшое помещение набилось уже человек сорок, по большей части квалифицированные рабочие, летевшие на Меркурий по контракту. Некоторые, успев как следует принять на грудь, пререкались друг с другом на повышенных тонах или осоловело пилились в пространство. Разлука с Землей не всем давалась легко.

В специально отведенном уголке восседала на подушках горстка пришельцев. Напротив цинтианина, щеголявшего ухоженным блестящим мехом и солнечными очками с толстыми стеклами, расположился Кулла. Беззвучно кивая огромной головой, тот сжимал губищами соломинку и изящно потягивал какую-то жидкость из бутылки, сильно смахивавшей на водочную.

Возле инопланетян переминалась горстка людей, по виду типичных ксенофилов, жадно ловивших каждое слово подслушанной внеземной беседы и с нетерпением ожидавших случая вклиниться с вопросом.

Джейкоб прикинул, не просочиться ли в занятый пришельцами угол. Цинтианин издали напоминал одного его приятеля. Но в той части зала было слишкомлюдно. Джейкоб решил разжиться выпивкой и послушать: вдруг кто-нибудь начнет травить байки.

Вскоре он присоединился к группе посетителей, обступившей горного инженера, который, лихо привирая, повествовал о смертоносных обвалах в глубоких меркурианских рудниках и о чуде спасшихся счастливицах. Хотя, чтобы разобрать слова рассказчика, ему приходилось напрягать слух, Джейкоб не сдавался: байки помогали хотя бы на время отвлечься от нараставшей головной боли... Вдруг кто-то ткнул его пальцем в бок, да так чувствительно, что Джейкоб чуть не подскочил от неожиданности.

– Демва! Какими судьбами?! – вскричал Пьер Ларок. – Вот уж повезло так повезло! Будем держаться вместе, теперь можно не опасаться, что не с кем будет словом перемолвиться!

Облаченный в просторную поблескивавшую рубаху, Ларок усердно пыхтел трубкой, выдыхая синеватый отфильтрованный дым.

Джейкоб заставил себя улыбнуться, но в этот самый миг кто-то наступил ему на пятку, поэтому улыбка скорее напоминала гримасу.

– Приветствую, Ларок. А зачем вас-то понесло на Меркурий? Мне казалось, ваших читателей больше интересуют заметки о раскопках в Перу...

– Или другие неопровержимые доказательства того, что наших первобытных предков взрастили и воспитали древние визитеры с других планет? – перебил его Ларок. – Да, Демва, вскоре нас ждут настолько ошеломляющие открытия, что даже самые упертые «шкур» и самые замшелые скептики, заседающие в Совете Конфедерации, поймут, сколь глубоко они ошибались!

– Сами-то вы, если судить по наряду, заодно с «рубахами». – Джейкоб указал на серебристую тунику собеседника.

– В день вылета я предпочел надеть униформу общества фон Дэникена, в память о тех, кто когда-то дал нам силы шагнуть в космос. – Сжимая в одной руке и выпивку, и трубку, другой рукой он поправил на груди цепочку с болтавшимся на ней золотым медальоном.

Поведение собеседника показалось Джейкобу наигранным. Длинное одеяние, похожее на женское платье, и украшение резко контрастировали с грубоватыми манерами француза. Зато приходилось отдать ему должное: вычурный наряд как нельзя лучше гармонировал с утрированным, эпатажным акцентом.

– Да ладно вам, Ларок, – рассмеялся Джейкоб. – Даже вы вынуждены признать, что космос мы покорили сами, без чьей-либо помощи. И это мы обнаружили там представителей иных цивилизаций, а не они нас.

– Не желаю я ничего признавать! – запальчиво ответил Ларок. – Как только мы докажем, что достойны своих патронов, в далеком прошлом одаривших нас разумом, как только они сами признают нас, вот тогда-то наконец люди увидят, что все эти годы они негласно оказывали нам неоценимую помощь!

Джейкоб пожал плечами. Все то же извечное противостояние «рубах» и «шкур», ничего нового. Одни настаивали на том, что человечество должно гордиться своим уникальным статусом самостоятельно эволюционирующей расы, которую наделила разумом сама природа, и случилось это где-то в саваннах и на восточном побережье Африки. Другие же твердили, что *homo sapiens* (как и любая другая раса софонтов) – всего лишь одно из звеньев цепочки генетического и культурного усовершенствования, тянущейся в глубину к мифическому периоду зарождения галактики, к эпохе Прародителей.

Многие, подобно Джейкобу, намеренно придерживались в этом мировоззренческом конфликте нейтралитета, но все человечество и его клиентские расы с интересом ждали исхода спора. После Контакта чуть ли не самыми популярными увлечениями вдруг стали археология и палеонтология.

Однако доводы Ларока так давно утратили новизну и свежесть, что хоть кидай их в суп вместо сухариков. А голова разболелась еще сильнее.

– Все это весьма интересно, Ларок, – сказал Джейкоб, намереваясь ускользнуть. – Но давайте продолжим дискуссию как-нибудь в другой раз...

Однако Ларок не унимался.

– Космос прямо-таки пропитан неандертальскими настроениями. Люди на земных кораблях предпочитают, нацепив на себя звериные шкуры, рычать и ухать, как обезьяны! Они отвергают наших старших братьев и воротят нос от здравомыслящей части человечества, проповедующей смирение!

Словно в подтверждение своих слов, Ларок махнул в сторону Джейкоба черенком трубки. Джейкоб отпрянул, стараясь держать себя в руках и сохранять вежливый тон, однако это оказалось не так-то просто.

– Мне кажется, вы перегибаете палку, Ларок. Вы ведь говорите не о какой-нибудь швали, а о космонавтах! При их отборе в первую очередь руководствуются такими критериями, как эмоциональная устойчивость и политический нейтралитет...

– Да вы даже понятия не имеете, о чем толкуете. Может, это шутка? А вот мне как раз кое-что известно об этой хваленной «эмоциональной устойчивости и нейтралитете» космонавтов! Как-нибудь порасскажу вам об этом много интересного, – продолжал журналист. – Настает день, и правда выплывет наружу: все узнают, что Конфедерация планировала изолировать существенную часть человечества от старших рас и их наследия, ожидающего нас среди звезд! Несчастные поднадзорные! Но тогда пытаться остановить утечку будет уже поздно!

Ларок затаился и выпустил Джейкобу в лицо облачко голубого дыма. У Джейкоба закружилась голова.

– Ладно, Ларок, не стану спорить. Оставим подробности до следующего раза. – И он попятился.

Журналист на миг помрачнел, а потом улыбнулся и похлопал устремившегося к выходу Джейкоба по спине.

– Конечно, в следующий раз обязательно все вам дорасскажу. А пока вам лучше прилечь. Видок у вас не особенно цветущий. До скорого! – На прощание еще раз огрев Джейкоба по спине, Ларок снова прошмыгнул в переполненный посетителями бар.

Джейкоб подошел к первому попавшемуся иллюминатору и прижался лбом к стеклу. Поверхность была прохладной, и пульсирующая боль в голове немного утихла. Когда он открыл глаза и выглянул наружу, Земли уже не было видно... Осталась лишь бесконечная россыпь звезд, которые, не мигая, сияли в крошечной тьме. Самые яркие звезды окружал ореол дифракционных лучей; если прищуриться, начинало казаться, что лучи то удлиняются, то делаются короче. Все выглядело точно так же, как звездное небо в пустыне, только свет ярче. Звезды не мерцали, но это были те же самые звезды.

Джейкоб подумал, что ощущения должны быть другими, более мощными. Увиденные из космоса звезды должны казаться более таинственными, более... философскими, что ли. Одним из самых ярких воспоминаний подростковой поры было ошеломляющее буйство звездных ночей. Оно не имело ничего общего с ощущением неизмеримого простора, которое теперь возникало у него под гипнозом. Скорее, оно походило на смутные сны из прошлой жизни.

Доктора Кеплера, Буббакуба и Фэйгина он обнаружил в центральном холле. Кеплер подождал его взмахом руки. Компания расположилась на горке подушек возле иллюминаторов. Буббакуб держал в лапах чашку с каким-то ядовитым, судя по виду (да и по запаху), пойлом. Фэйгин медленно прогуливался взад-вперед, переваливаясь на корнях-отростках.

Ряд иллюминаторов, тянувшихся вдоль изогнутого борта корабля, в холле прерывался огромным диском, похожим на гигантское круглое окно от пола до потолка. Поверхность диска выступала из стены примерно на фут. Все, что находилось по другую сторону, скрывала плотно прилегающая обшивка.

– Мы рады вашему решению, – пролаял Буббакуб, прибегнув к помощи водора. Он вальяжно раскинулся на подушке и, договорив, сунул морду в чашку, после чего перестал обращать на Джейкоба и остальную компанию какое бы то ни было внимание. Напрашивался вопрос: маленький пил нарочно старается казаться дружелюбным, или так на людей действует его природное обаяние?

Джейкоб про себя всегда называл Буббакуба «он», но на деле не имел ни малейшего понятия о половой принадлежности существа. Хотя никакой одежды, если не считать водора и маленького мешочка, на инопланетянине не было, внешние особенности его анатомии ясности не вносили. К примеру, Джейкоб выяснил, что пила – яйцекладущие, а не млекопитающие. Тем не менее от горла до промежности существа, словно пуговицы на рубашке, вытянулись в ряд наросты, явственно напоминающие соски. Джейкоб терялся в догадках относительно их предназначения. В сетевой базе данных о них не упоминалось. Джейкоб затребовал из Библиотеки более детальное описание.

Фэйгин и Кеплер беседовали об истории солнечных кораблей. Голос Фэйгина звучал приглушенно – верхушка его кроны и дыхательное отверстие почти упирались в звукопоглощающую обшивку потолка. (Джейкоб надеялся, что кантен не склонен к клаустрофобии. Хотя, с другой стороны, чего бояться говорящему овощу? Разве что случайно быть покусанным. Кроме того, его живо интересовали сексуальные привычки этой странной расы, которой для полового акта требовалось участие посредников – специальной породы одомашненных шмелей.)

– Так значит, этот блистательный экспромт, – говорил Фэйгин, – без всякой помощи извне позволил вам доставить контейнеры с оборудованием прямо в фотосферу! Я впечатлен!

Странно, что за все время пребывания здесь я ни разу не слышал о столь значимом эпизоде вашей доконтактной истории.

Кеплер сиял от гордости.

– Надо отдавать себе отчет, что проект с батисферой был только... первым шагом, все это произошло задолго до меня. С изобретением лазерных двигателей, которыми стали оснащать доконтактные межзвездные корабли, появилась возможность запускать автоматизированные суда, способные зависать над поверхностью, а благодаря термодинамике высокотемпературных лазеров удавалось сбрасывать излишнее тепло и охлаждать внутреннее пространство зондов.

– Выходит, от запуска пилотируемых аппаратов вас отделял всего один шаг!

Кеплер печально улыбнулся.

– Что ж, возможно. Планы уже разрабатывались. Но отправка на Солнце живых существ и их возвращение были сопряжены с множеством факторов, среди которых не только высокие температуры и гравитация. Главным препятствием стала турбулентность! Здорово было бы выяснить, могли ли мы решить эту проблему своими силами. – В глазах Кеплера на миг вспыхнула искра азарта. – Планы-то уже были.

– Но тут «Везарий» наткнулся в созвездии Лебеда на корабли Тимбрими, – вступил в разговор Джейкоб.

– Да. И теперь мы уже не узнаем, что случилось бы, сложись все иначе. Когда велись те разработки, я был совсем ребенком. Теперь они безнадежно устарели. Но, может быть, это и к лучшему. Если бы мы попытались отправить экспедицию без промедления, это неизбежно повлекло бы за собой потери или даже смерти... В «Погружении в Солнце» ключевая роль отведена как раз контролю за временным потоком, и на результаты жаловаться не приходится. – Лицо ученого вдруг омрачилось. – То есть не приходилось до недавнего времени.

Кеплер умолк, сверля взглядом ковер. Джейкоб покосился на него и откашлялся, прикрыв рот рукой.

– Раз уж мы затронули эту тему, я не нашел ни одного упоминания о Солнечных Призраках ни в сетевой базе данных, ни даже по специальному запросу в Библиотеке, а ведь у меня допуск 1-АВ. Может, снабдите меня каким-нибудь внутренним отчетом по этому вопросу, чтобы я мог ознакомиться с деталями за время полета?

Кеплер отвел взгляд, явно нервничая.

– Мы пока не готовы к тому, чтобы информация вышла за пределы Меркурия, мистер Демва. У нашего открытия есть... политический аспект, так что с введением вас в курс дела придется подождать до прибытия на базу. Уверен, там вы найдете ответы на все ваши вопросы.

Смущение ученого выглядело настолько искренним, что Джейкоб решил не напирать. Однако это был тревожный звоночек.

– Осмелюсь добавить к картине еще один штрих, – сказал Фэйгин. – С момента нашей встречи, Джейкоб, было произведено еще одно погружение. И во время этого погружения, как нам сообщили, были замечены соляриане лишь первой, наименее примечательной разновидности, а не представители того, второго, вида, который вызывает у доктора Кеплера такую озабоченность.

После скомканного и торопливого рассказа Кеплера Джейкоб так толком и не разобрался, чем два обнаруженных на данный момент типа обитателей Солнца отличаются друг от друга.

– Первая разновидность – это, надо полагать, ваши травоядные?

– Не травоядные! – возразил Кеплер. – А магнитоядные. Они питаются энергией магнитного поля. Этот тип мы уже успели неплохо изучить, в отличие от...

– Вынужден вас прервать! Питая горячую надежду, что мне простится это невольное вмешательство, я призываю вас проявить осторожность. Сюда направляется чужак. – Верхние ветки Фэйгина тревожно заскребли по потолку.

Джейкоб обернулся к дверям. Его потрясло, что Фэйгин осмелился прервать говорящего на полуслове – раньше за ним ничего подобного не наблюдалось. Охваченный дурными предчувствиями, Джейкоб усмотрел в этом очередное доказательство того, что он вступает в опасную, связанную с политикой игру, правила которой ему по-прежнему неизвестны.

«Странно, не слышу никаких шагов», – только и успел подумать он. И тут в дверях показался Ларок: в руке бокал, и без того румяное лицо еще больше покраснелось. При виде Фэйгина и Буббакуба журналист так и расплылся в улыбке. Войдя в зал и жизнерадостно хлопнув Джейкоба по спине, он потребовал, чтобы его немедленно представили присутствующим.

Джейкоб подавил искушение послать его куда подальше.

Вместо этого он неторопливо приступил к процедуре представления. Ларок был впечатлен и поклонился Буббакубу едва ли не до земли.

– Аб-Киса-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер! И две клиентские расы, как их там, а, Демва? Одна – гели, а вторая? Для меня большая честь лично познакомиться с софнтом, происходящим из линии соро! Когда-то я изучал язык ваших предков, которые, как вдруг выяснится в один прекрасный день, вполне могут оказаться и нашими! Язык соро очень похож и на прасемитский, и на прабанту!

Густые ресницы Буббакуба встопорщились. Из водора полилась сложная, избыливающая согласными и совершенно неразборчивая речь. Потом пришелец несколько раз резко щелкнул челюстями и издал высокое урчание, вдобавок усиленное водором.

Фэйгин, стоявший у Джейкоба за спиной, заговорил на том же клацающе-рычащем языке. Буббакуб, сверкая черными глазищами, развернулся к нему и ответил гортанным рыком, ткнув коротенькой лапкой в сторону Ларока. Кантен откликнулся такой пронзительной трелью, что у Джейкоба по спине побежали мурашки.

Буббакуб резко развернулся и покинул зал, не удостоив людей ни единым словом.

Огорошенный репортер на мгновение замер, а потом растерянно поглядел на Джейкоба:

– Да в чем я провинился-то?

Джейкоб вздохнул.

– Быть может, ему не понравилось, что вы с ходу набиваетесь к нему в родственники?

Он обернулся к Кеплеру, намереваясь сменить тему. Ученый не сводил взгляда с двери, за которой скрылся Буббакуб.

– Доктор Кеплер, если у вас нет при себе свежих сводок, то, может, хотя бы одолжите мне какие-нибудь несложные работы по физике Солнца и истории проекта «Погружение в Солнце»?

– С превеликим удовольствием, мистер Демва, – кивнул Кеплер. – Я пришлю вам подборку материалов ближе к ужину.

Казалось, мысли его витают где-то далеко.

– И мне тоже! – воскликнул Ларок. – Я аккредитованный журналист, и мне необходимо знать всю подноготную ваших позорных дерзких посягательств, господин начальник!

После секундного замешательства Джейкоб пожал плечами. Надо отдать Лароку должное: нахальство легко принять за стойкость и способность не сгибаться под ударами судьбы.

Кеплер улыбнулся, словно не расслышал.

– Что, простите?

– Невероятная гордыня! На этот ваш проект «Погружение в Солнце» тратятся астрономические суммы, которые можно было пустить на освоение земных пустынь или на создание более крупного филиала Библиотеки! Подумать только, на что толкает людей тщеславие: на изучение вещей, которые были прекрасно известны нашим благодетелям еще до того, как мы эволюционировали до приматов!

– А теперь послушайте меня, сэр. – Кеплер покраснел от возмущения. – Конфедерация финансирует наши изыскания...

– Изыскания! Вы бы постыдились бросаться такими словами! Вы ищете то, что уже давно можно найти в любой галактической Библиотеке, и позорите всех нас, выставляя человечество форменными кретинами!

– Ларок, – вклинился было Джейкоб, но коротышка не унимался.

– И ваша Конфедерация тоже хороша! Загоняют наших старших братьев в резервации, как когда-то индейцев! Отобрали у народа возможность пользоваться филиалом Библиотеки! Поддерживают эту абсурдную теорию, из-за которой над нами смеется вся Галактика: дескать, разумная жизнь зародилась на Земле самопроизвольно!

Кеплер не выдержал яростной атаки. Краска сошла с его лица, он залепетал, запинаясь:

– Я... Я не думаю...

– Ларок! Ну хватит, перестаньте!

Джейкоб схватил журналиста за плечо и, развернув к себе, быстро зашептал на ухо:

– Довольно, приятель, вы же не хотите дискредитировать человечество в глазах достойного кантена Фэйгина?

Ларок вытаращил глаза. Где-то за спиной Джейкоба возбужденно шелестел кроной Фэйгин. Наконец журналист сдался и опустил глаза.

Вторая неловкая ситуация за столь короткий срок – даже для такого беспардонного журналиста – это перебор. Сбивчиво извинившись перед пришельцем и сверкнув на прощание глазами в сторону Кеплера, Ларок поспешил откланяться.

– Спасибо за спецэффекты, Фэйгин, – сказал Джейкоб, как только журналист ретировался.

Ответом ему послужил свист, короткий, на низких частотах.

5

Преломление

С расстояния в 40 миллионов километров Солнце казалось приструненным и посаженным на цепь адом. Оно бурлило в черноте космоса – отныне уже не просто сверкающая точка, которую уроженцы Земли воспринимали как нечто само собой разумеющееся и от которой предпочитали бездумно отводить взгляд. Оно манило к себе сквозь миллионы миль. Порой хотелось украдкой взглянуть на него, но это желание таило в себе опасность.

С борта «Брэдбери» светило казалось размером с пятицентовик, висящий всего в каком-то футе от смотрящего. Свечение было настолько ярким, что без фильтров вынести его было невозможно. Если по земной привычке взглянуть на пылающую сферу одним глазком, можно было ослепнуть. Капитан приказал задраить иллюминаторы и включить защитные поляризационные экраны.

Впрочем, в холле оставалось еще окно с фильтром Лио⁵, через которое пассажиры могли любоваться дарующей жизнь звездой безо всякого риска для здоровья.

Спалось в тесной каюте неважно, и, в очередной раз проснувшись посреди ночи и пустившись в паломничество к кофейному автомату, Джейкоб задержался возле круглого окна. Какое-то время он с отсутствующим видом пялился в пространство, все еще не до конца стряхнув с себя остатки сна, но зазвучавшая совсем рядом шепелявая речь мигом привела его в чувство.

– Вот так ваше Шолнце выглядит ш афелия⁶ Меркурия, Джейкоб.

За одним из карточных столиков, раскиданных по тускло освещенному холлу, сидел Кулла. Светящиеся цифры настенных часов, висевших за спиной у пришельца, прямо над автоматами по продаже всякой всячины, извещали, что сейчас половина пятого.

Голос у Джейкоба спросонья звучал хрипло:

– Разве... э-э... мы уже так близко?

Кулла кивнул:

– Да.

Сейчас устрашающих жвал не было видно. Всякий раз, как пришелец силился произнести звук «с», его огромные складчатые губы поджимались и исторгали свист. Глаза горели в полумраке, отражая полыхавшее за окном красноватое светило.

– До прибытия ошталюшь вшего два дня, – сообщил Кулла.

Руки его покоились на столе, сложенные крест-накрест. Свободное серебристое одеяние скрадывало большую часть фигуры.

Джейкоб, слегка пошатнувшись, снова повернулся к окну. Перед глазами закачался сияющий шар.

– Ш вами вше в порядке? – встревожился принг, приподнявшись со стула.

– Нет, пожалуйста, не вставайте. – Джейкоб остановил пришельца жестом. – Просто слегка повело. С недосыпа. Не помешает выпить кофе.

Он поплелся к автоматам, но на полдороге вдруг замер, обернулся и снова уставился на раскаленное Солнце.

– Оно красное! – изумленно просипел Джейкоб.

– Ешли жахотите, я могу рашшкажать вам почему, пока вы наливаете шебе кофе, – предложил Кулла.

⁵ Интерференционно-поляризационный фильтр, названный в честь его изобретателя, французского астронома Бернара Лио.

⁶ *Афелий* (*апогелий*) – наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты или иного небесного тела.

– Да, пожалуйста. – Джейкоб направился к темному ряду автоматов с едой и напитками, ища взглядом кофемашину.

– Фильтр Лио пропускает только монохроматические световые волны, – сказал Кулла. – Он шоштоит из множества круглых пластин: одни шлужат поляризаторами, другие преломляют швет. По-ражному поворачивая их по отношению друг к другу, можно ш точно-стью наштродить длину пропускаемых фильтром волн. Это очень ишкусшное и хитроумное пришпошобление, хоть и шлегка уштаревшее по галактическим меркам... вроде швейцаршких чашов – некоторые люди вше еще продолжают носить их, хотя уже давно наштупила эра электроники. Когда ваши шобратья как шледует ошвоят Библиотеку, вше эти... машины Руба Голдберга⁷, я правильно шкажал?.. отойдут в прошлое.

Джейкоб наклонился, пытаясь получше разглядеть ближайший автомат. Вроде кофейный. За прозрачной дверцей скрывалась небольшая площадка с металлической решеткой для стока жидкости. Осталось только найти нужную кнопку, и тогда на площадку выскочит одноразовый стаканчик, а потом из механической артерии хлынет струя желанного горьковатого темного напитка.

В ушах все еще жужжал голос Куллы. Делая вид, что слушает, Джейкоб время от времени вставлял вежливые замечания: «А-а... вот оно как... да, понятно».

Одна из кнопок с левого края автомата слабо светилась зеленым. Он машинально надавил на нее.

И обвел автомат мутным взглядом. Ага! Раздалось жужжание и щелчок! Вот и стаканчик! Так... что за чертовщина?

В стаканчик плюхнулась большая желто-зеленая таблетка.

Джейкоб приоткрыл дверцу и забрал стаканчик. В следующий миг на опустевшую площадку, где только что стоял стаканчик, полилась горячая жидкость.

Джейкоб поглядел на таблетку с недоверием. Что бы это ни было, а на кофе не похоже. Он протер левым запястьем сначала один глаз, потом другой. Затем с осуждением покосился на нажатую кнопку.

Под кнопкой имелась подпись, он только сейчас это разглядел. Она гласила: «Комплекс питательных веществ для ПВЦ». Прямо под ней располагался кардридер, из которого торчала карта памяти. «Для прингов: диетическая добавка – кумариново-белковый комплекс» – значилось на карте.

Джейкоб украдкой покосился на Куллу. Пришелец продолжал читать лекцию, отвернувшись к окну с фильтром Лио. Обозначая, что достиг в своих рассуждениях важного пункта, он простер длань к полыхающему, словно Дантов ад, Солнцу.

– Это крашное альфа-излучение обещпечивает водород, – вещал Кулла. – Очень полезная чашть шпектра. Вмешто того чтобы жапутатышя в огромном количестве шлучайных шветовых волн шо вшей поверхношти Шолнца, мы можем шошредоточитышя только на тех облаштях, где водород поглощаетышя или ображуетышя шверх нормы...

Пришелец указал на пеструю поверхность светила. Она была усеяна темно-красными пятнами и перистыми дугами.

Джейкоб читал про них. Перистые дуги – это плазменные волокна. Если взглянуть на солнечный диск из космоса, то они выглядели как протуберанцы – люди наблюдали их с тех самых пор, как впервые догадались взглянуть на затмение сквозь телескоп. Кулла же сейчас объяснял, как эти объекты выглядят вблизи.

⁷ Рубен Люциус Голдберг (1883–1970) – американский карикатурист, инженер и изобретатель. Кулла имеет в виду названный в честь этого человека конкурс машин, участники которого обязаны придумать сложный механизм для решения какой-нибудь простой задачи.

Джейкоб погрузился в размышления. На протяжении всего полета Кулла избегал принимать пищу в обществе других пассажиров, разве что иногда потягивал водку или пиво через соломинку. Не зная истинных мотивов, Джейкоб мог лишь догадываться, что традиции прингов включали в себя табу на принятие пищи на глазах у чужаков.

Если вдуматься, то существо, вместо зубов наделенное жерновами, во время еды должно выглядеть не слишком опрятно. Судя по всему, вломившись сюда, я помешал его завтраку, а он слишком вежлив, чтобы указать мне на это.

Он снова поглядел на злополучный стаканчик с таблеткой. Потом сунул таблетку в карман куртки, а стаканчик смял и выбросил в ближайшую мусорную корзину.

Вдруг его взгляд наткнулся на кнопку с подписью «черный кофе». Джейкоб не без сожаления улыбнулся. Может, лучше обойтись без кофе, а то еще чего доброго Кулла обидится. Хотя пришелец не высказал ни слова в осуждение, он так и стоял, отвернувшись, все то время, пока Джейкоб исследовал автоматы с едой и напитками.

Заслышав приближающиеся шаги, Кулла наконец обернулся. Рот его слегка приоткрылся, на миг ослепив Джейкоба белизной фарфора.

– Ну как, теперь меньше шатает? – участливо поинтересовался пришелец.

– Да, шпашибо, то есть спасибо... за познавательный рассказ. Мне всегда казалось, что поверхность Солнца довольно однородна... если не считать солнечных пятен и протуберанцев. Но, полагаю, на самом деле все устроено гораздо сложнее.

Кулла кивнул.

– Ешли вам нужен наштоящий шпециалишт в этом вопроше, то это доктор Кеплер. Он намного лучше шможет вше объяснить, когда вы шовершите ш нами погружение.

Джейкоб вежливо кивнул. Черта с два разберешь этих галактических посланцев с их выучкой! Когда Кулла кивнул, вкладывал ли он в этот жест что-то личное? Или его просто выдрессировали, чтобы, оказавшись в обществе людей, он не забывал время от времени кивать?

Совершите с нами погружение?!

Джейкоб решил не переспрашивать. Не стоит лишний раз искушать судьбу.

Он разомкнул было губы в зевке, но вовремя спохватился и прикрыл рот ладонью. Мало ли, что подобный жест может означать на родине прингов!

– Что ж, Кулла, думаю, мне стоит вернуться к себе в каюту и попытаться еще немножко вздремнуть. Спасибо за содержательную беседу!

– Вшегда рад оказатьшя полезным, Джейкоб. Шпокойной ночи.

Он прошаркал по коридору и уснул, едва только его голова коснулась подушки.

6

Фазовый сдвиг и дифракция

Нежный жемчужный свет лился сквозь иллюминаторы на лица зрителей, наблюдавших, как меркурианский пейзаж скользит под днищем снижающегося корабля.

Почти все, у кого не было срочных служебных обязанностей, собрались в холле, прикованные к ряду иллюминаторов жутковатой красотой планеты. Разговаривали вполголоса и только маленькими группками, собравшимися у каждого из иллюминаторов. В основном же царила тишина, нарушаемая лишь негромким потрескиванием, источник которого Джейкоб никак не мог вычислить.

Поверхность планеты была изрыта кратерами и длинными каньонами. Тени от гор казались неправдоподобно черными, контрастируя с остальными, ярко-серебристыми и бурыми, красками ландшафта. Местность во многом напоминала Луну.

Но были и отличия. В одном месте отсутствовал немалый по площади участок поверхности, уничтоженный каким-то давним катаклизмом. От этого шрама по обращенной к Солнцу стороне рядами тянулись глубокие борозды. Четко вдоль вмятины пролегал терминатор⁸, резко разграничивающий день и ночь.

На те области, куда не простиралась тень, ливнем обрушивалось излучение семи различных типов. Протоны и рентгеновские лучи, побочные продукты деятельности магнитосферы, и поистине ослепительный солнечный свет вкупе с некоторыми другими смертоносными штуками делали поверхность Меркурия настолько непохожей на Луну, насколько это вообще возможно.

Планета напоминала обиталище неупокоенных душ. Чистилище.

Джейкобу пришли на ум строки из старинного японского стихотворения, созданного еще до эпохи хокку, которое он прочитал всего месяц назад:

Лишь только наступает вечер,
Растет и множится в душе моей тоска,
И кажется, что ты, с кем раньше я встречалась,
Мне шепчешь нежные слова
И все стоишь передо мною!..⁹

– Вы что-то сказали?

Джейкоб очнулся от легкого транса и увидел перед собой Дуэйна Кеплера.

– Нет, не обращайтесь внимания. Вот ваш пиджак. – Джейкоб передал ученому аккуратно сложенную одежду. Тот улыбнулся.

– Прошу прощения, но природа берет свое, причем порой в самые неромантичные моменты. Даже космическим скитальцам приходится иногда наведываться в душ или туалет. А Буббакуб, видимо, питает к велюру необъяснимую слабость. Стоит мне только по какой-то причине ненадолго снять пиджак, как на нем тут же умудряется прикорнуть наш маленький пил. Надо будет купить ему точно такой же, когда вернемся на Землю. Так о чем мы с вами говорили до моего ухода?

Джейкоб указал на простиравшуюся внизу меркурианскую поверхность.

⁸ Терминатор – в астрономии линия светораздела, отделяющая освещенную часть небесного тела от неосвещенной.

⁹ Стихотворение приписывают японской поэтессе, известной как девица из Каса, пер. А. Е. Глускина.

– Я просто подумал... Теперь я понимаю, почему космонавты сравнивают спутник Земли с песочницей. Здесь-то, в отличие от Луны, нужно принимать повышенные меры предосторожности.

Кеплер кивнул.

– Да, но это все равно в сто раз лучше, чем сидеть дома и участвовать в каком-нибудь дурацком проекте по искусственному созданию рабочих мест! – Ученый выдержал паузу, как будто обдумывал какое-то язвительное замечание. Но запал иссяк раньше, чем он успел продолжить. Кеплер повернулся к иллюминатору и обвел рукой простиравшийся внизу пейзаж. – Первые исследователи, Антониоди и Скьяпарелли, назвали этот район Обителью Муз. А вон тот огромный древний кратер окрестили в честь Гете. – Он указал на нагромождение темных горных пород, выделявшееся на фоне серебристой равнины. – Отсюда рукой подать до Северного полюса, а под ним пролегает целая система пещер, благодаря которым и удалось создать базу «Гермес».

Кеплер всем своим видом напоминал теперь степенного ученого мужа – кроме разве что тех моментов, когда то один, то другой кончик его длинных, песочного цвета усов оказывался у него во рту. По мере приближения к Меркурию владевшая им нервозность постепенно ослабевала – должно быть, сказывалось, что они в двух шагах от базы проекта «Погружение в Солнце», где он единовластный начальник.

Однако во время полета, особенно когда разговор касался Возвышения или Библиотеки, лицо Кеплера приобретало странное выражение – как у человека, которому есть что порассказать, но обстоятельства заставляют держать язык за зубами. Он нервничал и пребывал в замешательстве, словно боялся выразить свою точку зрения и получить нагоняй.

Поразмыслив на досуге, Джейкоб пришел к выводу, что одна из причин такого поведения ему известна. Хотя шеф «Погружения» не сказал напрямую ничего, что могло бы его разоблачить, однако Джейкоб не сомневался: Дуэйн Кеплер – человек верующий.

Вражда «рубах» и «шкур» на фоне контакта с внеземными цивилизациями привела к тому, что официальная религия треснула по швам.

Последователи фон Дэникена уверовали в некую великую (но не всемогущую) расу, которая однажды уже вмешалась в ход развития человечества и может сделать это снова. Сторонники неолитической этики молились «душе человеческой» как первоисточнику всех событий.

Само существование тысяч бороздящих космические просторы рас, из которых лишь очень немногие исповедовали нечто подобное догматам земных религий, нанесло непоправимый удар по представлениям о всемогущем антропоморфном Боге.

Большинство бывших прихожан либо примкнули к одной из противоборствующих сторон в споре «рубах» и «шкур», либо перешли в деизм¹⁰. Армии верующих в основном переметнулись под другие знамена, а те немногие, кто не отказался от прежних убеждений, затаились, пережидая суматоху.

Джейкоб порой задавался вопросом, не ждут ли они какого-то знамения.

Если Кеплер и впрямь принадлежал к числу верующих, это объясняло его осторожность. В ученых кругах и так слишком многие в последнее время лишились работы. Кеплер не стал бы рисковать, он не хотел пополнить их ряды, заработав репутацию фанатика.

Джейкобу было стыдно за общество, заставлявшее человека бояться. Он охотно послушал бы, что думает на этот счет сам ученый. Но вопросов не задавал, уважая явное нежелание Кеплера впускать кого бы то ни было в свою личную жизнь.

Кое-что вызывало у Джейкоба и чисто профессиональный интерес: например, как стремление держаться особняком повлияло на состояние психики Кеплера. У ученого в мозгу засело

¹⁰ Религиозно-философское мировоззрение, рассматривающее Бога лишь как первопричину всего сущего.

занозой нечто большее, чем просто философская дилемма, и это нечто временами подтачивало его способность к руководству и уверенность в собственной профпригодности.

Доктор Мартин, психолог, не обделяла Кеплера своим вниманием, напоминая ему о регулярном приеме лекарств – разноцветных таблеток из многочисленных пузырьков, которые были распаханы по карманам ученого.

Джейкоб почувствовал, как к нему возвращаются прежние привычки, не растраченные за спокойные месяцы, проведенные в Центре Возвышения. Он сгорал от любопытства, что это были за таблетки; не менее интересно было бы выяснить, в чем заключались истинные функции Милдред Мартин как члена экспедиции.

Мартин по-прежнему оставалась для Джейкоба тайной за семью печатями. Сколько бы они ни беседовали во время полета, ему так и не удалось заглянуть под ее проклятую маску отстраненного дружелюбия. Та снисходительная насмешливость, с которой она с ним обращалась, так же бросалась в глаза, как и неоправданная вера в него со стороны доктора Кеплера. Что же на самом деле было на уме у этой загадочной женщины, неведомо.

Кого меркурианский пейзаж оставил равнодушными, так это Мартин и Ларока. Мартин с энтузиазмом рассказывала о своих исследованиях, посвященных влиянию цвета и яркости освещения на поведение душевнобольных. Джейкоб уже слышал об этом на встрече в Энсенаде. Присоединившись к проекту, Мартин первым делом постаралась свести к минимуму психогенное воздействие окружающей среды – на случай, если наблюдаемый «феномен» окажется галлюцинацией на фоне стресса.

За время путешествия эта парочка на удивление спелась: психолог, развесив уши, слушала зачастую противоречившие друг другу рассказы о погибших цивилизациях и пришельцах, посетивших Землю в доисторические времена. Ларок, стараясь не ударить лицом в грязь, призвал на помощь все свое знаменитое красноречие. Бывало, что, уединившись для беседы в холле, они обрастали толпами зевак. Джейкоб и сам пару раз заходил послушать. Ларок умел, когда хотел, всколыхнуть в душе собеседника целую бурю чувств.

И все же в обществе толстяка Джейкоб по-прежнему испытывал куда больший дискомфорт, чем наедине с любым другим пассажиром. Он предпочитал компанию более открытых существ. Таких, как Кулла. Пришелец вызывал у него симпатию. Невзирая на огромные, хитроумно устроенные глаза и внушающие ужас челюсти, принг обладал вкусами и пристрастиями, которые во многом совпадали с его собственными.

Кулла сыпал тоннами простодушных вопросов о Земле и ее обитателях, в особенности же его интересовало то, как люди обращаются с расами своих клиентов. Узнав, что Джейкоб принимал участие в проектах по развитию шимпанзе, дельфинов, а в последнее время еще собак и горилл, он стал относиться к своему земному другу с подчеркнутым уважением.

Кулла ни разу не отозвался о земных технологиях, как об архаичных, хотя по примитивности и нелепости им не было равных во всей Галактике. В конце концов, ни одной другой расе за всю историю вселенной не приходилось добиваться всего исключительно своими силами, с нуля. Библиотеке это было доподлинно известно. Кулла с воодушевлением рассуждал, какую неизмеримую пользу принесет Библиотека его друзьям-людям и шимпанзе.

Однажды Кулла увязался за Джейкобом в корабельный спортзал и, выпучив огромные красные глазищи, наблюдал за одной из многих за время полета его тренировок, помогающих поддерживать марафонскую форму. В перерывах на отдых Джейкоб выяснил, что принг уже постиг искусство шутить ниже пояса. Видимо, сексуальные нравы прингов не слишком отличались от тех, которых придерживалось современное человечество, во всяком случае, концовку известного анекдота: «Ну, кто ты, мы уже разобрались, осталось договориться о цене», – оба понимали одинаково.

Именно шутки, а не что-либо иное заставили Джейкоба осознать, как далеко от дома занесло этого костлявого посланца прингской цивилизации. Страдал ли Кулла от столь же ост-

рых приступов тоски и одиночества, какие непременно случались бы у него самого, окажись он в схожей ситуации?

А в завязавшемся однажды споре о том, какое пиво лучше: «Туборг» или «L-5», Джейкоб до того разошелся, что насилу вспомнил, что перед ним инопланетянин, а не шепелявый и чрезмерно предупредительный уроженец Земли. Но все встало на свои места, когда в ходе одной из бесед они вдруг оказались по разные стороны глубокой, непреодолимой пропасти.

Джейкоб рассказывал о прошлом, об охватившей Землю когда-то классовой борьбе, суть которой Кулле никак не удавалось постичь. Он попытался проиллюстрировать главную мысль китайской пословицы: «Если крестьянин решит повеситься, он придет к дверям своего хозяина».

Глаза пришельца внезапно полыхнули огнем, а из пасти впервые со дня их знакомства донесся возбужденный скрежет. Джейкоб в изумлении уставился на собеседника и поспешил сменить тему.

И все же, взвесив все факторы, приходилось признать, что чувство юмора у Куллы куда ближе к человеческому, чем у любого другого из известных ему пришельцев. Не считая Фэй-гина, разумеется.

И вот теперь, когда корабль заходил на посадку, принг безмолвно вытянулся рядом со своим патроном; лица у обоих были совершенно непроницаемые.

Кеплер легонько похлопал Джейкоба по руке, привлекая его внимание, и указал на иллюминатор.

– Вскоре капитан сдвинет замедляющие экраны, и скорость, с которой к нам поступает пространственно-временной поток, начнет падать. Вас наверняка не оставят равнодушным возникающие при этом побочные эффекты.

– А я думал, корабль как бы дает ткани космоса проскользнуть мимо. Что-то вроде того, как если въехать на доске для серфинга прямо на пляж.

Кеплер улыбнулся.

– Нет, мистер Демва, это распространенное заблуждение. Космический серфинг – это всего лишь метафора из арсенала авторов научно-популярных книг. К тому же, говоря о пространственно-временном потоке, я не использую слово «ткань». Космос – это не материя. Входя в зону гравитационной сингулярности – то есть пространственного искривления, создаваемого планетой, – мы должны смириться с постоянно меняющейся системой мер, иными словами, с набором параметров, с помощью которых мы изменяем пространство и время. Представьте, что по мере приближения к массивному телу природа требует от нас, чтобы мы постепенно меняли длину своих линеек и скорость хода часов.

– Насколько я понимаю, капитан контролирует процесс посадки так, чтобы эти изменения происходили медленно и плавно?

– Совершенно верно! Конечно, были времена, когда перестройка проходила жестче. К иной системе измерения подстраивались, либо постоянно тормозя при помощи реактивных двигателей, пока корабль не коснется поверхности, либо попросту врезаясь в планету. Теперь же при замедлении мы просто сворачиваем излишки пространства и времени, словно ткань в рулон. Ох! Снова эти аналогии с материей!

Кеплер улыбнулся во весь рот.

– При этом образуется один весьма полезный продукт – нейтроний, причем выработка происходит в промышленных масштабах. Но основная цель все-таки – обеспечить нам безопасное приземление.

– А когда лишнее пространство наконец начнут запихивать в мешок, мы хоть что-нибудь заметим?

Кеплер указал на иллюминатор.

– Можете полюбоваться, уже началось.

Снаружи стали гаснуть звезды. Неисчислимые россыпи ярких точек, чей свет проникал даже сквозь затемненные экраны, тускнели прямо на глазах. Вскоре от них осталась лишь жалкая горстка: блеклые и желтоватые, они едва мерцали в бескрайней тьме.

Планета под нами тоже изменилась.

Свет, отраженный поверхностью Меркурия, утратил резкость. Жар пошел на убыль. Поверхность заметно потемнела, а исходящий от нее свет окрасился оранжевым.

Кроме того, планета приближалась. Линия горизонта медленно, но ощутимо выпрямлялась. По мере того как «Брэдбери» снижался, те или иные объекты на поверхности Меркурия, прежде едва различимые, приобретали четкие очертания.

Внутри крупных кратеров скрывались кратеры поменьше. Когда корабль проплыл мимо зубчатой кромки одного из самых мелких экземпляров, Джейкоб успел разглядеть, что и она, в свою очередь, усеяна мелкими углублениями, и каждое из них по форме повторяет старших собратьев.

Потом горизонт маленькой планеты скрылся за горной грядой, и Джейкоб лишился точки отсчета, позволявшей оценивать расстояние. Минуты текли, а пейзаж внизу не менялся. Как определить, далеко ли еще до поверхности? Что это там под нами: гора или валун? А может, мы коснемся тверди уже через пару секунд, и это всего лишь камешек?

Он чувствовал, что осталось совсем немного. Серые тени и оранжевые скальные породы были так близко, что казалось, протяни руку – и дотронешься.

Джейкоб ожидал, что посадка может произойти в любой момент. Но тут, к его вящему изумлению, поверхность под ними вдруг разверзлась и поглотила корабль.

Пока пассажиры готовились к высадке, Джейкоб испытал потрясение, вспомнив, чем он занимался недавно, когда, сжимая в руках пиджак Кеплера, соскользнул в легкий транс.

Тайком, проявив немалую сноровку, он обшарил карманы Кеплера, взяв образцы всех таблеток и ухитрившись вынуть крохотные пробочки и вернуть их на место, не оставив отпечатков пальцев. Теперь таблетки аккуратной кучкой покоились в боковом кармане его куртки, занимая совсем немного места и не выпирая.

«Так, началось, – простонал Джейкоб и стиснул зубы. – На этот раз я справлюсь сам! Без всякой помощи своего второго „я“. Хватит с меня этих расщеплений на части и воссоединений!»

И он ударил себя кулаком по бедру, чтобы унять зуд удовлетворения, возникший в кончиках пальцев.

Часть III

Переходная область между короной и фотосферой (поверхностью Солнца, если взглянуть на него при дневном свете) при затмении выглядит как ярко-красное кольцо вокруг Солнца и потому называется хромосферой. При более внимательном изучении видно, что она представляет собой не однородный слой, а стремительно меняющуюся волокнистую структуру. Для ее описания использовался термин «горящие прерии». На ней постоянно происходят кратковременные выбросы, именуемые «спикулами», достигающие в высоту нескольких тысяч километров. Красный цвет обусловлен преобладанием в спектре излучения альфа-линии водорода. Нам еще только предстоит разобраться, что происходит в этой столь сложной области...

Харольд Цирин¹¹

7

Интерференция

Покинув свою комнату и направившись в отсек с микроклиматом для ПВЦ по коммуникационным коридорам, доктор Мартин внушала себе, что это не уловка, а всего лишь предосторожность. Вдоль грубых, лишенных какой бы то ни было отделки стен тянулись кое-где пришпиленные к шершавой поверхности вентиляционные трубы и кабели связи. На меркурианском камне поблескивали капельки конденсата, в воздухе пахло сыростью. Эхо шагов Милдред несло по лабиринту коридоров, намного опережая ее саму.

Вскоре женщина очутилась перед герметизированной дверью, над которой светился зеленый огонек, черным ходом в жилище одного из инопланетян. Стоило ей прижать сенсорную карту, как дверь тут же отворилась.

Изнутри хлынул пронзительный зеленоватый свет – имитация естественного света звезды, находившейся за много парсеков отсюда. Прикрывая глаза ладонью, доктор Мартин запустила пальцы в набедренную сумочку, извлекла оттуда солнцезащитные очки и, надев их, заглянула в помещение.

Стены были увешаны гобеленами ручной работы, изображавшими висячие сады и инопланетное поселение, притулившееся на краю скалы. Домики лепились к выщербленному горному склону, мерцая, как будто ты смотришь на них сквозь струи водопада. Милдред показалось, что она почти уловила тоненькую мелодию, звучащую всего на несколько тонов выше воспринимаемого человеческим ухом диапазона. Не потому ли ей вдруг стало нечем дышать, не потому ли ее охватила паника?

Буббакуб поднялся с заваленного подушками ложа, чтобы поприветствовать ее. Он заковылял навстречу гостье, переваливаясь на несуразно коротких лапках. Серый мех шелковисто поблескивал. В этом ядовитом освещении при увеличенной в полтора раза по сравнению с земной силой тяжести Буббакуб разом утратил мнимое очарование и уже не казался милым медвежонком. Кривоногая фигурка пила излучала уверенность и силу.

Губы пришельца зашевелились, исторгая короткие щелчки. Голос, лившийся из водора, звучал мягко и раскатисто, хотя фразы были оборванные.

– Хорошо. Рад, что пришли.

¹¹ Харольд Цирин (1929–2012) – американский астроном, посвятивший себя изучению Солнца.

Доктор Мартин почувствовала облегчение. Уполномоченный Библиотеки выглядел мирным и расслабленным. Она отвесила легкий поклон.

– Приветствую вас, пил Буббакуб. Я зашла спросить, нет ли вестей из филиала Библиотеки.

Буббакуб ощерился, демонстрируя полный рот острых, как иглы, зубов.

– Входите, присаживайтесь. Да, хорошо, что спросили. Новость есть. Заходите же. Сперва перекусите, выпейте чего-нибудь.

Преодолев пролежавшую у порога границу гравитационных полей, Милдред невольно поморщилась. Ощущение, как всегда, не из приятных. Нагрузка на организм такая, будто она весила килограммов семьдесят.

– Нет, благодарю. Я только что поела. Пожалуй, присяду.

Доктор Мартин заметила стул, сконструированный в расчете на человеческую анатомию, и осторожно опустилась на него. Все-таки семьдесят кило – это уже перебор!

Пил разлегся на подушках напротив нее, похожая на медвежью голова находилась примерно на том же уровне, что и ноги. Черные глазки-бусинки буравили гостью.

– Со мной связались из Ла-Паса, по мазеру¹². Они говорят, что по Солнечным Призракам ничего нет. Ни одного ис-точ-ни-ка. Возможно, выбран неверный термин. А может, филиал слишком мал. Он и правда мал, очень мал, я всегда это говорил. Но кое-кто из земных чи-нов-ни-ков может придать отсутствию данных слишком большое зна-че-ни-е.

Милдред пожала плечами.

– Об этом я бы тревожилась в последнюю очередь. Этот факт лишь доказывает, что библиотечному проекту не придают должного значения. Более крупный филиал, за который уже давно ратует моя группа, наверняка справился бы с задачей.

– Я запросил данные с планеты пилов по вну-три-вре-мен-ной связи. Уж в главном отделе-ни-и накладок возникнуть не должно!

– Вот и славно, – кивнула доктор Мартин. – Меня беспокоит только одно: чем будет заниматься Дуэйн, пока мы ждем информации. Он фонтанирует полудурочными идеями, все думает, как бы выйти с Призраками на связь. Боюсь, что, блуждая в потемках, он умудрится нанести пси-существам какое-нибудь жуткое оскорбление, и тогда даже вся библиотечная премудрость нас не спасет. Для Земли жизненно необходимо сохранять с ближайшими соседями дружеские отношения!

Буббакуб оторвал голову от подушки и подпер щеку коротенькой лапкой.

– При-ла-га-е-те ли вы усилия, чтобы из-ле-чить доктора Кеплера?

– Разумеется, – сухо ответила Мартин. – Честно говоря, меня очень беспокоит то, с каким упорством он все это время уклоняется от проверки. У Дуэйна в голове творится черт знает что, но я полагаю, что показатель агрессии у него в пределах нормы. Он успешно прошел тест с кляксами, пока жил на Земле. Похоже, сейчас мне удалось стабилизировать его состояние. Но я так и не раскопала, в чем корень его проблем, и это страшно выбешивает. Его скачки от маниакального состояния к депрессивному напоминают ослепительное безумие конца XX – начала XXI веков, когда человечество чуть не погибло из-за разрушительного воздействия на психику шумового загрязнения окружающей среды. Повальное безумие, достигнув пика, едва не уничтожило промышленную культуру и в итоге привело к периоду упадка, который сейчас, смягчая краски, именуют Бюрократией.

– Да, я читал о том, как ваша раса пыталась свести счеты с жизнью. Мне показалось, что по-сле-до-вав-ша-я за этим эпоха, о которой вы только что упомянули, была счастливым временем мира и порядка. Впрочем, не мне судить. Вам повезло, что у вас не хватило мозгов даже на са-мо-у-бий-ство. Но не будем отклоняться от темы. Так что там с Кеплером?

¹² Мазер – квантовый генератор, излучающий микроволны.

Монотонный голос пила был лишен вопросительных интонаций, зато выражение его морды, то, как он кривил складки кожи, заменявшие ему губы, недвусмысленно указывало, что он ждет, нет, требует ответа. У доктора Мартин по спине пробежал холодок.

«Ну и заносчивый тип! – подумала она. – И всем вокруг, похоже, кажется, что это всего лишь милая черта характера. Неужели они не замечают, какой огромной властью он обладает и чем нам всем грозит его пребывание на Земле?»

Из-за культурного шока они видят в нем лишь человекоподобного медвежонка. Сплошное умиление! Неужто только мой босс и его друзья из Совета Конфедерации с первого взгляда распознали в нем демона из космических глубин?

И почему-то именно на мою долю выпало выяснить, чем можно задобрить этого демона, и, заставив Дуэйна держать язык за зубами, попытаться найти вменяемый способ вступить в контакт с Солнечными Призраками! Ифни, дай своей дочери сил!

Буббакуб все еще ожидал ответа.

– Н-ну, мне известно, что Дуэйн полон решимости раскрыть тайну Солнечных Призраков, не прибегая к помощи пришельцев. Кое для кого из членов его команды это принципиальный момент. Не рискну утверждать, что среди них есть «шкуры», но люди они упертые.

– Нельзя ли заставить его не пороть горячку? – спросил пришелец. – Его не-пред-ска-зу-е-мость смешала нам все карты.

– Вы имеете в виду приглашенного им Фэйгина и его друга Демву? От них вряд ли стоит ждать подвоха. Благодаря опыту работы с дельфинами Демва даже может оказаться полезен, хотя и не сразу. А Фэйгин с его талантами найдет ключик к любой инопланетной расе. Тут важнее другое: у Дуэйна наконец появились благодарные слушатели, которых можно пичкать своими параноидальными фантазиями. Я поговорю с Демвой и попрошу его отнестись к начальственным излияниям снисходительно.

Буббакуб одним резким движением сел, устроился поудобнее и посмотрел доктору Мартин прямо в глаза.

– Да плевать мне на них. Фэйгин – никчемный романтик, а Демва производит впечатление кретина. Как и все друзья Фэйгина. Меня больше беспокоят двое других, которые мутят воду на базе. Поднимаясь на борт, я понятия не имел, что среди членов команды есть шимпанзе. Мартышка и жур-на-лист – как две занозы. Жур-на-лист вечно что-то вынюхивает у экипажа базы и создает слишком много шума. А шимпанзе ходит по пятам за Куллой, мечтает его «ос-во-бо-дить», так что...

– Разве Кулла проявляет неповиновение? Мне казалось, заключенное им двустороннее соглашение обязывает...

Буббакуб вскочил с подушки и зашипел, оскалив острые зубы.

– Не смей перебивать меня, человек!

Доктор Мартин впервые услышала настоящий голос пришельца – перекрывавший рычание водора пронзительный писк, от которого закладывало уши.

Ошеломленная, она замерла, не в силах пошевелиться.

Напрягшиеся были мышцы Буббакуба постепенно расслабились. Не прошло и минуты, как вставшая дыбом шерсть почти обрела прежнюю гладкость.

– Приношу из-ви-не-ни-я, человек Мартин. Напрасно я вспылil из-за столь незначительного промаха, допущенного представителем не-раз-ви-той расы.

Милдред перевела дух, стараясь ничем не выдать потрясения.

Буббакуб снова опустился на подушку.

– Что касается вашего вопроса, то нет, Кул-ла не совершил ничего не-до-зво-лен-но-го. Ему известно, что его раса по правилам опеки еще долго будет в под-чи-не-ни-и у моей. Тем не менее зря этот ваш доктор Джефф-ри раз-гла-голь-ству-ет о мифических правах без каких-либо обязанностей. Вам, людям, следовало бы обуздать своих пи-том-цев, ведь им присвоили

статус софнтов только по ми-ло-сти моих собратьев из старших рас. А если не считать их софнтами, то кто тогда вы, а, че-ло-век?

Зубы директора филиала на мгновение сверкнули, а потом Буббакуб захлопнул пасть, клацнув челюстями.

У Мартин в горле пересохло. Она заговорила, тщательно подбирая слова:

– Прошу прощения, если я и мои соплеменники чем-то обидели вас, пил Буббакуб. Я попрошу Дуэйна, может, ему удастся приструнить Джеффри.

– А как насчет жур-на-лис-та?

– Да, с Пьером я тоже переговорю. Уверена, у него не было на уме ничего дурного. Больше он не доставит вам проблем.

– Хорошо бы, – мягко прожурчала коробочка-переводчик. Коренастая фигурка снова обмякла на подушке. – У нас с вами общие цели, притом весьма важные. Надеюсь, мы сможем действовать слаженно. Однако помните: при всем сходстве целей средства их достижения могут оказаться совершенно разными. Прошу вас приложить максимум усилий, иначе я буду вынужден, как у вас говорят, убить одним выстрелом сразу двух зайцев.

Доктор Мартин ответила еще одним вялым кивком.

8

Отражение

Ларок, как обычно, витийствовал, Джейкоб давно перестал вслушиваться в его речи. Коротышке все равно было не до него, на сей раз он старался произвести впечатление на Фэйгина. Демва размышлял, не грешит ли он излишним очеловечиванием инопланетян, сочувствуя ПВЦ, вынужденному слушать очередные бредни репортера.

Маленький вагончик, в котором находилась троица, катился по извилистому туннелю, изобиловавшему резкими подъемами и спусками. Фэйгин двумя корнями-отростками вцепился в поручень, тянувшийся в паре сантиметров от пола. Люди держались за другой, опоясывавший салон вагона чуть выше.

Джейкоб рассеянно прислушался. Ларок развивал тему, затронутую еще на борту «Брэд-бери»: дескать, пропавшие патроны землян, те самые мифические существа, которые якобы взяли несколько тысяч лет назад окультуривать человечество, да так и бросили свою затею на полдороге, должны быть так или иначе связаны с Солнцем. Ларок полагал, что Солнечные Призраки могут оказаться как раз той самой расой.

– И потом, ведь в земных религиях есть многочисленные отсылки. Почти во всех религиях Солнце священо! Эта идея – одна из тех общих черт, что объединяют все цивилизации!

Ларок широко раскинул руки, словно подчеркивая размах своих мыслей.

– Выглядит весьма правдоподобно, – продолжал он, – а заодно объясняет, почему Библиотеке так сложно отследить нашу «родословную». Разумеется, о расах солярного типа известно уже давно, так что нынешнее «исследование» – переливание из пустого в порожнее. Однако встречаются они, бесспорно, редко, и до сих пор никто не догадался внести в Библиотеку данные о такой взаимосвязи, хотя это позволило бы решить две проблемы разом!

Что самое неприятное, эту гипотезу было чертовски сложно опровергнуть. Джейкоб тихо вздохнул. Неудивительно, что многие примитивные земные цивилизации когда-то поклонялись Солнцу. Ведь совершенно очевидно, что Солнце – источник тепла, света и самой жизни, обладающий чудодейственной силой! Видимо, поклонение животворной звезде было общим этапом в развитии первобытных людей.

Именно в этом и крылся корень проблем. В Галактике имелось не так много «примитивных народностей», чей опыт можно было бы сопоставить с историей человечества; большинство составляли либо животные, стоящие на пороге разумности охотники и собиратели (или сходные с ними типы), либо высокоразвитые расы софонов. «Промежуточные» варианты вроде человечества, по-видимому покинутые своими патронами и так и не обученные пользоваться новообретенным разумом, попадались крайне редко.

И эти редкие образчики свежеекрепшего разума, как правило, стремительно вырывались из своей экологической ниши. Они порождали странные пародии на науку – смесь причудливых причинно-следственных связей, суеверий и мифов. Без руководящей роли патронов век подобных рас-подкидышей обычно был короток. Нынешняя боязливость инопланетян по отношению к человечеству отчасти объяснялась тем, что людям, как ни странно, удалось выжить.

Отсутствие других цивилизаций с похожей историей порождало уйму разнообразных концепций, которые легко было создать и трудно опровергнуть. Поскольку в маленьком филиале в Ла-Пасе не содержалось данных о каких-либо иных случаях солнцепоклонничества, широко распространенного внутри одной расы, Ларок мог невозбранно утверждать, будто эти традиции являют собой отголоски так и не завершенного когда-то Возвышения.

Ненадолго прислушавшись к разговору на случай, если Ларок выдаст что-нибудь новенькое, и не дождавшись этого, Джейкоб снова отвлекся.

С момента посадки минуло два долгих дня. За это время Джейкобу пришлось приспособиться к перемещениям между отсеками базы с искусственной гравитацией и помещениями, где ты чувствовал себя перышком из-за меркурианской пониженной силы тяжести. Его познакомили с весьма многочисленным штатом базы, однако большинство имен в памяти не задержалось. Затем Кеплер велел одному из сотрудников проводить гостя к его каюте.

Главврач базы «Гермес», как выяснилось, был заиклен на проекте развития дельфинов. Он охотно согласился изучить назначенные директору препараты, попутно выразив недоумение из-за их количества. По его настоянию немедленно была устроена вечеринка, где каждый первый медик норовил засыпать Джейкоба вопросами про Макакаи. В промежутках между тостами, разумеется. Так что в итоге вопросов было задано не слишком много.

Мысли в голове копошились довольно вяло, а вагончик тем временем остановился, двери разъехались в стороны, и взору открылась огромная пещера, где держали и ремонтировали солнечные корабли. На краткий миг Джейкобу показалось, что пространство исказилось и, что самое ужасное, все присутствующие вдруг раздвоились!

Противоположная стена ангара, прямо напротив него, словно выпучилась, почти дотянувшись до округлого светильника, от которого Джейкоба отделяло всего несколько метров. Ближе всего к стене находился высоченный, ростом в два с половиной метра, кантен, а рядом с ним – краснолицый коротышка и рослый плотный смуглый мужчина, который пялился на него с самым что ни на есть дебильным выражением лица.

До Джейкоба внезапно дошло, что он смотрится в обшивку солнечного корабля, самое совершенное зеркало в Солнечной системе. А изумленный мужчина напротив, с явными признаками похмелья, не кто иной, как он сам.

Сферический корабль диаметром двадцать метров обладал столь мощной отражающей способностью, что разглядеть его собственные контуры было непросто. Лишь обратив внимание на прерывистый абрис и на то, как изгибаются отражения предметов, Джейкоб смог сфокусировать взгляд на самой громадине.

– Очень миленько, – неохотно констатировал Ларок. – Старая добрая оптическая иллюзия.

Вооружившись крохотной камерой, он провел объективом вдоль борта судна.

– Впечатляющее зрелище, – добавил Фэйгин.

«Да уж, – подумал Джейкоб. – И размеры внушительные, примерно с дом».

Но как бы ни был велик корабль, в масштабах ангара он казался песчинкой. Грубый каменный свод дугой изгибался высоко над головой, теряясь в дымке испарений. В том месте, где они стояли, пещера была довольно узкой, однако тянулась вправо как минимум на километр и там уже заворачивала, скрываясь из вида.

Они стояли на платформе на уровне середины корабля, рабочая площадка ангара осталась далеко внизу. Горстка топтавшихся там людей на фоне серебристой сферы выглядела труппой карликов.

Левее, метрах в двухстах, высились массивные герметичные двери шириной никак не менее ста пятидесяти метров. Джейкоб предположил, что это часть шлюза, за которым начинался туннель, выводящий к неприветливой поверхности Меркурия, где в огромных естественных кратерах отдыхали исполинские межпланетные суда вроде «Брэдбери».

С платформы к полу ангара спускался пандус. Там, внизу, стоял Кеплер, беседовавший с троицей в форменных комбинезонах. Невдалеке можно было различить силуэт Куллы в компании щегольски одетого шимпанзе с моноклем. Чтобы видеть глаза собеседника, обезьяне пришлось взобраться на стул.

Яростно молотя по висевшему на груди прибору, шимпанзе скакал впрыскаду, отчего стул ходил ходуном. Посланник прингов взирал на него с выражением, которое Джейкоб при-

вык интерпретировать как уважительно-дружелюбное. Но кое-что в облике Куллы его удивило: в присутствии шимпанзе тот держался свободно, это была совсем не та церемонная поза, какую Джейкоб наблюдал у ПВЦ, когда тот беседовал с кантенем, цинтианином и в особенности с пиллом.

Первым делом поприветствовав Фэйгина, Кеплер повернулся к Джейкобу.

– Рад, что вы решили осмотреться, мистер Демва. – Рукопожатие Кеплера оказалось неожиданно крепким. Директор окликнул шимпанзе. – Знакомьтесь, это доктор Джеффри, первый из представителей своего биологического вида, кому удалось стать полноправным членом команды исследователей космоса. Кстати, чертовски прекрасный работник. Корабль, который мы сейчас будем осматривать, находится в его ведении.

Физиономия Джеффри расплылась в кривой, скособоченной улыбке, отличавшей всех супершимпанзе. Два века генной инженерии изменили у представителей этого вида форму черепа и тазовых костей, все эти модификации были произведены по человеческому образу и подобию, человеческий костяк было проще всего скопировать. Поэтому доктор Джеффри напоминал сильно заросшего низкорослого смуглого мужчину с длинными руками и торчащими, как у кролика, передними зубами.

Еще одна победа генной инженерии обнаружилась, когда Джейкоб пожал доктору руку. Полностью противопоставленный палец шимпанзе с силой давил на его ладонь, словно напоминая, мол, вот она, визитная карточка настоящего человека.

Там, где Буббакуб носил водор, у Джеффри висело устройство с черными горизонтальными клавишами по бокам, в центре же располагался пустой экран примерно двадцать на пятнадцать сантиметров.

Супершимпанзе нагнулся, и его пальцы заплясали по клавишам. На экране появились светящиеся буквы.

«РАД ЗНАКОМСТВУ. ДОКТОР КЕПЛЕР ГОВОРИТ, ВЫ ИЗ ХОРОШИХ ПАРНЕЙ».

Джейкоб рассмеялся.

– Что ж, весьма благодарен, Джефф. Я стараюсь, хотя мне до сих пор невдомек, что от меня потребуется в ходе экспедиции.

Джеффри разразился привычным визгливым обезьяньим смехом. А потом впервые с момента их встречи произнес по-человечески:

– Сссоро узнаете!

Эта речь больше напоминала карканье вороны, тем не менее Джейкоб был поражен. Попытки разговаривать по-прежнему вызывали у нынешнего поколения супершимпанзе нестерпимо болезненные ощущения, однако Джефф произносил слова очень четко.

– Как только мы завершим ознакомительную экскурсию, доктор Джеффри на этом же корабле, одном из наших самых современных, погрузится в Солнце, – сообщил Кеплер. – Вот только дождется возвращения командира де Сильвы из разведки. Жаль, что командир не встретила нас, когда «Брэдбери» коснулся поверхности Меркурия. Да и Джефф, скорее всего, стартует, пока мы будем совещаться. Первый его отчет мы получим завтра днем, сразу, как закончим. Пожалуй, есть в этом что-то драматичное.

Кеплер развернулся лицом к кораблю.

– Никого не забыл представить? Джефф, знаю, что вы с кантенем Фэйгином уже встречались. Пил Буббакуб, судя по всему, отверг наше приглашение. А с мистером Лароком вы знакомы?

Шимпанзе брезгливо поджал губы, коротко всхрипнул и отвернулся, уставившись на собственное отражение в обшивке корабля.

Ларок сверкнул глазами и побагровел от стыда и замешательства.

Джейкоб едва сдержал смех. Неудивительно, что многие считают шимпанзе грубиянами! Наконец нашелся тот, кто по части бестактности перещеголял самого Ларока! Вчера вечером

эти двое сцепились в столовой, и их стычка уже успела обрасти легендами. Джейкоб очень жалел, что пропустил такое зрелище.

На плечо Джеффри опустилась тонкая шестипалая ладонь Куллы.

– Пойдемте, друг Джеффри. Покажем миштеру Демве и его друзьям ваш корабль.

Шимпанзе исподлюбья покосился на Ларока, потом снова обернулся к Кулле и Джейкобу и расплылся в широкой улыбке. Схватив Джейкоба и Куллу за руки, он потащил их ко входу в корабль.

Поднявшись по трапу, компания ступила на коротенький мостик, перекинутый над пустотой и ведущий внутрь зеркальной сферы. Понадобилось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к полумраку, после чего Джейкоб различил ровную палубу, тянувшуюся из конца в конец корабля.

Она будто бы парила на уровне экватора корабельного корпуса – круглый диск из темного упругого материала. Идеальную плоскость поверхности нарушали лишь шесть или семь пассажирских кресел, расставленных по периметру. Часть из них была снабжена простенькими приборными панелями. Довершал картину купол метров семи в диаметре, расположенный точно по центру.

Кеплер присел на корточки возле панели управления и передвинул рычажок. Стенка корабля сделалась полупрозрачной. Интерьер залило тусклым светом из пещеры, хлынувшим со всех сторон. Кеплер пояснил, что освещение корабля сведено к минимуму, чтобы внутренняя поверхность шарообразного корпуса не отбрасывала бликов, которые мешали бы экипажу и влияли на работу приборов.

Изнутри, под почти идеально гладкой обшивкой, солнечный корабль напоминал трехмерную модель Сатурна. Просторная палуба заменяла собой «кольцо». Сверху и снизу от «кольца» располагались два полушария «планеты». В верхнем полушарии (а именно его сейчас разглядывал Джейкоб) имелось несколько люков и отсеков. Он читал, что в центральной сфере, ядре, находится все оборудование, обеспечивающее бесперебойную работу систем корабля, в том числе регулятор временного потока, генератор гравитационного поля и охлаждающая лазерная установка.

Джейкоб приблизился к краю палубы. Она парила в силовом поле, на четыре или пять футов не доходя до округлых стенок корпуса, переходящих высоко над головой в свод, на котором не было видно ни теней, ни более светлых участков, и смотрелось это довольно любопытно.

Джейкоба окликнули по имени, и он обернулся. Остальные «экскурсанты» стояли у дверцы в куполе. Кеплер помахал ему рукой, приглашая присоединиться.

– Мы собираемся наведаться в нижнее полушарие с приборным отсеком, тут его принято называть «изнанкой». Смотрите под ноги, там гравитационная дуга, так что не пугайтесь.

В дверях Джейкоб посторонился, пропуская Фэйгина, однако ПВЦ дал понять, что предпочел бы остаться в верхнем полушарии. Кантен с его ростом в семь футов вряд ли сможет с комфортом разместиться в семифутовой же камере. Сам же Джейкоб последовал за Кеплером.

И тут же отпрянул! За какие-то секунды Кеплер успел оказаться прямо над ним, взбываясь по почти вертикальной поверхности, напоминавшей горный склон, ограниченный переборками. Судя по наклону туловища, он в любой момент мог упасть. Джейкоб не понимал, каким образом ученому удастся сохранять равновесие.

Но Кеплер продолжал уверенно карабкаться по эллиптической поверхности и вскоре скрылся из вида. Джейкоб уперся обеими руками в переборки и нерешительно шагнул вперед.

Как ни странно, равновесие сохранить удалось. Он шагнул другой ногой. И снова даже не покачнулся. Еще шаг. Он обернулся.

Дверной проем словно накренился в его сторону. Судя по всему, внутри петли действовало гравитационное поле такой мощности, что радиус его составлял всего несколько ярдов.

При этом поле действовало настолько мягко и искусно, что способно было обмануть вестибулярный аппарат. В люке возникла ухмыляющаяся физиономия одного из техников.

Джейкоб стиснул зубы и зашагал дальше, отгоняя от себя мысли о том, что мало-помалу переворачивается вверх тормашками. По дороге он разглядывал символы на панелях обшивки стен и пол. Где-то на полпути ему попался люк с надписью: «ДОСТУП К СИСТЕМЕ СЖАТИЯ ВРЕМЕНИ».

Склон становился все более пологим. Добравшись до двери, Джейкоб уже успел освоиться и знал, что ждет его впереди, и все-таки застонал.

– Только не это! – Он невольно прикрыл глаза руками.

В нескольких метрах над головой во все стороны простирался пол ангара. Люди сновали вокруг корабельных ферм, будто ползающие по потолку мухи.

Безропотно вздохнув, Джейкоб нагнал наконец Кеплера. Ученый стоял на краю палубы и всматривался во внутренности сложного механизма. Потом поднял взгляд и улыбнулся.

– Пользуюсь привилегиями начальника и всюду сую свой нос. Конечно, корабль прошел доскональную проверку, но мне нравится самому держать руку на пульсе. – Он нежно похлопал по борту устройства.

Ученый подвел Джейкоба к краю палубы, где ощущение, что ты стоишь вверх ногами, только усиливалось. Окутанный туманом потолок пещеры виднелся далеко «внизу».

– Вот одна из мультиполяризационных камер, которые были установлены сразу после того, как мы впервые зафиксировали Призраков когерентного излучения. – Кеплер указал на один из многочисленных одинаковых аппаратов, расставленных вдоль кромки палубы. – Нам удалось вычленить Призраков из смешанного излучения хромосферы, потому что, как бы ни перемещалась плоскость поляризации, мы могли ее отследить и доказать, что излучение когерентно и стабильно.

– А почему все камеры сосредоточены здесь? Наверху я не видел ни одной.

– Мы заметили, что живые наблюдатели и техника только мешают друг другу, если находятся в одной плоскости. Поэтому и по совокупности иных причин все приборы расположены здесь, вдоль края палубы, а наш курятник – на другой половине. Можно удовлетворить и тех и других, если сориентировать корабль таким образом, чтобы край палубы был направлен на наблюдаемый феномен. Как оказалось, это превосходный компромисс: поскольку проблем с силой тяжести нет, мы можем наклонять корабль как угодно, чтобы углы обзора одушевленных и механических наблюдателей совпадали и их показания можно было сличить.

Джейкоб попытался представить себе корабль, скособоченный под немыслимым углом, который швыряют из стороны в сторону бушующие в солнечной атмосфере бури, а пассажиры и команда тем временем безмятежно смотрят в иллюминаторы.

– С некоторых пор в оборудовании возникли неполадки, – продолжал Кеплер. – Тот новый корабль, поменьше, на котором полетит Джефф, был усовершенствован, так что мы надеемся вскоре... А вот и наши друзья!

В дверях показались Кулла и Джеффри. Наполовину обезьянье, наполовину человеческое лицо супершимпанзе скривилось в презрительной гримасе.

Он забарабанил по клавишам висевшего на груди прибора.

«ЛАРОКУ ПЛОХО. ТОШНИТ ОТ ПОДЪЕМА ПО КРУТОМУ СКЛОНУ. „РУБАХА“ СРАНАЯ».

Кулла вполголоса обратился к шимпанзе, Джейкобу еле удалось разобрать:

– Штоит проявлять побольше уважения, друг Джефф. Ведь миштер Ларок – тшеловек.

Негодующий Джеффри торопливо и с большим количеством ошибок напечатал, что уважает людей не меньше, чем любой из его собратьев, однако не намерен унижаться перед каким-то отдельным человеком, особенно если тот не принимал участия в развитии его расы.

«НЕУЖЕЛИ ВЫ ПРАВДА ДОЛЖНЫ ПОДТЕРАТЬ ЗА БУБАКУБОМ ДИРЬМО ТОЛЬКО ЗА ТО ШТО ЕГО ПРЕДКИ ПОЛМИЛИОНА ЛЕТ НАЗАД АКАЗАЛИ УСЛУГУ ВАШИМ?»

Глаза принга полыхнули огнем, а меж толстых губ блеснуло что-то белое.

– Прошу, не надо, друг Джефф. Я жнаю, што намерения у ваш благие, но Буббакуб – мой наштавник. Люди даровали вашей раше швободу, а моя обяжана приشلуживать. Так уж уштроен мир.

– Это мы еще посмотрим, – прокаркал Джеффри с ухмылкой.

Кеплер отвел Джеффа в сторонку, попросив Куллу продолжить экскурсию и показать Джейкобу устройство корабля. Кулла повел Джейкоба в другую часть полушария, желая продемонстрировать ему прибор, позволявший кораблю, подобно батискафу, плавать в полужидкой плазме солнечной атмосферы. Сняв несколько панелей, он показал ячейки голографической памяти.

Стазис-генератор контролировал пространственно-временные потоки на борту корабля: даже если судно яростно швыряли хромосферные бури, изнутри это воспринималось как легкая качка. Земные ученые еще не до конца постигли физические законы, лежавшие в основе генератора, однако правительство требовало, чтобы устройство было собрано руками людей.

Глаза Куллы сияли, а в шепелявой речи чувствовалась гордость за новые технологии, которые подарила землянам Библиотека.

Логические схемы, управлявшие работой генератора, походили на путаницу стеклянистых нитей. Кулла пояснил, что эти стержни и волокна дают возможность хранить оптическую информацию в максимально компактном виде, существенно превосходя любые прежние земные технологии, и обладают повышенным быстродействием. По ближайшему стержню то вверх, то вниз пробегали интерференционные узоры – мерцающие блоки данных. Джейкобу показалось, что машина чем-то напоминает живой организм. Стоило Кулле прикоснуться к лазерному считывающему устройству, как оно отъехало в сторону, и спутники уставились на пульсирующую информацию в ее чистейшем виде, заменявшую машине кровь.

Хотя Кулла наверняка заглядывал во внутренности компьютера уже раз сто, он, казалось, был заморожен зрелищем ничуть не меньше Джейкоба и, словно погрузившись в медитацию, не сводил с машины сверкающих немигающих глаз.

Когда Кулла наконец вернул панель на место, Джейкоб обратил внимание, что вид у ПВЦ усталый. «Наверное, слишком много работы», – решил он. Перебросившись в лучшем случае парой фраз, они медленно обогнули купольный свод и присоединились к Джеффри и Кеплеру.

Джейкоб с интересом, но почти ничего не понимая, прислушался к их спору насчет какой-то незначительной калибровки одной из камер.

Потом Джеффри откланялся, сославшись на дела в ангаре, а вскоре за ним последовал и Кулла. Задержавшись еще на несколько минут, Джейкоб с Кеплером побеседовали об оборудовании, затем Кеплер жестом пропустил Джейкоба вперед, и они двинулись вниз по петле.

Не успел Джейкоб преодолеть и половину расстояния, как вдруг наверху поднялась какая-то возня. Раздались чьи-то гневные крики. Пытаясь не обращать внимания на крутой изгиб гравитационной петли, он ускорил шаг. Однако для беготни эта дорога не годилась. На Джейкоба впервые за время экскурсии навалилась целая гамма противоречивых ощущений: на него одновременно воздействовали разные участки неоднородного силового поля.

В верхней точке дуги он споткнулся о незакрепленную панель, та вместе с парой болтов заскользила по изогнутой палубе. Джейкоб постарался было сохранить равновесие, но при виде уходящего за горизонт остатка дороги пал духом и пошатнулся. Когда он наконец благополучно добрался до люка в верхней палубе, его догнал Кеплер.

Крики доносились снаружи.

У подножия трапа взволнованно качал ветвями Фэйгин. Персонал базы спешил к сцепившимся в драке Лароку и Джефффри.

Побагровевший от натуги Ларок, пыхтя, силился отодрать руки соперника от своей головы. Попытка достать Джефффри ударом кулака успехом не увенчалась. Пронзительно вереща и скаля зубы, шимпанзе старался ухватиться половчее и пригнуть голову Ларока, чтобы та оказалась на уровне его собственной. Оба не обращали ни малейшего внимания на собравшуюся вокруг толпу и попытки их разнять.

Торопливо спускаясь, Джейкоб увидел, как Ларок высвободил руку и потянулся к висевшей на поясе камере.

Пробившись сквозь кольцо зевак и не медля ни секунды, Джейкоб одной рукой вышиб у Ларока футляр с камерой, а другой ухватил шимпанзе за шиворот. Рванув его на себя что было силы, он оторвал Джеффа от противника и швырнул в объятия Кеплера и Куллы.

Джефффри вырывался. Длинные и ловкие обезьяньи лапы тщились ослабить хватку державших его друзей. Он запрокинул голову и разразился пронзительным визгом.

Почувствовав за спиной какое-то движение, Джейкоб рывком развернулся и, выставив перед собой ладонь, остановил рвущегося в бой Ларока. Журналист потерял равновесие и с громким «Ох!» осел на пол.

Оба одновременно потянулись к камере, свисавшей с пояса Ларока на шнурке. Шнурок звонко лопнул. Ларок отбивался и пытался встать, а подоспевшие члены экспедиции его удерживали.

Джейкоб вскинул руки вверх и потребовал:

– А ну, прекратите!

Он встал между Лароком и Джефффри так, чтобы отгородить их друг от друга. Ларок потирал ушибленную руку и злобно сверкал глазами, не обращая внимания на сдерживавших его людей.

Джефффри продолжал извиваться, стараясь высвободиться. Кулла и Кеплер крепко вцепились в него, не позволяя ему этого сделать. На заднем плане сокрушенно посвистывал Фэйгин.

Джейкоб обхватил голову шимпанзе ладонями и заглянул ему в лицо. Джефффри глухо зарычал.

– Шимпанзе Джефффри, послушай-ка меня! Я Джейкоб Демва. Я человек и один из руководителей проекта «Возвышение». Вынужден сообщить тебе, что твое поведение абсолютно неприемлемо... ты ведешь себя как животное!

Голова Джефффри дернулась, как от пощечины. На миг он ошеломленно уставился на Джейкоба, рычание так и не успело сорваться с его губ, а потом взгляд темно-карих глаз сфокусировался. Шимпанзе мешком обвис в руках державших его Куллы и Кеплера.

Продолжая одной рукой поддерживать голову шимпанзе, Джейкоб другой рукой пригладил вставшую дыбом шерсть. Джефффри вздрогнул.

– А теперь просто расслабься, – ласково велел Джейкоб. – И попытайся взять себя в руки. Мы все охотно выслушаем тебя, как только ты будешь готов спокойно рассказать, что произошло.

Весь дрожа, Джефффри потянулся к своему переговорному экрану. Ему потребовалось некоторое время, чтобы совладать с собой и медленно напечатать: «ПРОСТИТЕ». Он поглядел Джейкобу в глаза, и на лице его действительно было написано раскаяние.

– Отлично, – похвалил его Джейкоб. – Способность вовремя принести извинения – признак настоящего человека.

Джефффри выпрямился и нарочито спокойно кивнул Кеплеру и Кулле. Те отпустили его, а Джейкоб отошел, освобождая ему путь.

Несмотря на успехи в налаживании контакта с дельфинами и шимпанзе при реализации проекта «Возвышение», сейчас Джейкоб ощущал некоторую неловкость из-за того, что обра-

щался к Джеффри свысока. Сыграв на чувствах клиента по отношению к патрону, Джейкоб применил рискованный прием и не ошибся. Исходя из сказанного ученым-шимпанзе ранее, Джейкоб предположил, что тот питает к патронам глубокое почтение, однако оно распространяется далеко не на всех представителей рода человеческого. Джейкоб был рад, что сумел надавить на этот рычаг, но гордиться тут было нечем.

Убедившись, что Джеффри утихомирился, Кеплер решил взять ситуацию под контроль.

– Что, к чертям собачьим, у вас тут происходит?! – вскричал он, испепелив Ларока взглядом.

– Это животное набросилось на меня! – заверещал журналист. – Едва я сумел побороть свои страхи и выбраться из того ужасного места, едва завязал беседу с достопочтенным Фэйгином, как эта зверюга с тигриным проворством кинулась на меня, и я вынужден был сражаться, чтобы спасти свою жизнь!

«ВРЕТ. ОН ЗАМЫШЛЯЛ ДИВЕРСИЮ. Я ОБНАРУЖИЛ, ЧТО КРЫШКА ПАНЕЛИ СЖАТИЯ ВРЕМЕНИ ОТВИНЧЕНА. А ФЭЙГИН СКАЗАЛ, ЧТО ЭТА ПАСКУДА ВЫСКОЧИЛА ИЗ МОЕГО КОРАБЛЯ, КАК ТОЛЬКО ЗАСЛЫШАЛА НАШИ ШАГИ».

– Прошу прощения, однако я вынужден возразить! – просвистел Фэйгин. – Я не употреблял бранного слова «паскуда». Я всего лишь ответил на заданный вопрос...

– Он торчал там целый чассс! – вклинился Джеффри вслух, гримасничая от напряжения.

«Бедный Фэйгин», – подумал Джейкоб.

– Я же говорил, – не унимался Ларок, – это жуткое место привело меня в ужас! Да я полчаса от пола отлипнуть не мог! Слышь, ты, мартышка, отвали от меня со своим поклепом! Лучше побереги клевету для своих приятелей, которые еще с деревьев не слезли!

Шимпанзе оскорбленно взвизгнул, и Кулла с Кеплером снова ринулись разнимать спорщиков. Джейкоб направился к Фэйгину, раздумывая, что сказать.

Заглушая гвалт, кантен заговорил первым.

– Похоже, ваши патроны, друг Джейкоб, – мягко произнес он, – кем бы они ни были, обладали поистине исключительными личностными качествами.

Джейкоб кивнул, так и не найдя нужных слов.

9

Вспоминая бескрылую гагарку¹³

Джейкоб разглядывал горстку собравшихся у трапа. Кулла и Джеффри, каждый в своей характерной манере, пытались что-то втолковать Фэйгину. Неподалеку топтались несколько членов команды... наверное, хотели избежать назойливых расспросов Ларока.

После потасовки репортер взял манеру ошиваться в пещере, бомбардируя вопросами всех, кто был занят делом, и плачась в жилетку всем, кто не был. Лишившись камеры, он поначалу бушевал, однако мало-помалу градус накала страстей снизился, дойдя до отметки, которую Джейкоб назвал бы «еще чуть-чуть, и его хватит кондрашка».

– Сам не знаю, зачем я ее отобрал, – признался он Кеплеру, вытаскивая прибор из кармана. Корпус миниатюрной черной видеокамеры являл собой скопище кнопок и сменных насадок. Устройство выглядело как идеальный помощник для репортера: компактный, многофункциональный и явно очень дорогой.

Он протянул камеру Кеплеру.

– Наверное, мне показалось, что он достает оружие.

Устройство перекочевало в карман Кеплера.

– Мы ее проверим, просто так, на всякий случай. А пока я хотел бы поблагодарить вас. Ловко вы все уладили.

Джейкоб пожал плечами.

– Да ну, пустяки. Простите, что раскомандовался и посягнул на ваши полномочия.

Кеплер рассмеялся.

– Наоборот, я этому чертовски рад! Я бы наверняка растерялся и не знал, что предпринять!

Джейкоб улыбнулся, однако на сердце по-прежнему было тревожно.

– И каковы же ваши дальнейшие планы? – поинтересовался он.

– Ну, первым делом надо проверить систему сжатия времени на корабле Джеффа, просто чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Хотя не думаю, что она пострадала. Даже если Ларок успел покопаться в машине, что он мог испортить? Для работы с электроникой нужны специальные инструменты, а у него их не было.

¹³ Крупная нелетающая птица, вымершая в середине XIX века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.